

Золотая Горка

повесть

1. СКАРГА

Когда показались дворы Ляховки* и под колесами поезда гулко застонал мост через Свислочь, Скарга, дожидавшийся этой минуты, озадачил своего смоленского спутника неожиданным для того решением: "Выходим!" - "Зачем?" - растерялся Клим. Скарга видел в его глазах недоверие. Он ответил успокоительно: "Боюсь перрона", взял саквояж и вышел из купе. Клим вроде бы поверил, спорить он не мог. В тамбуре крепкий малый в помятом костюме учился выпускать кольцами табачный дым. Он появился в Орше и, верно, извел на свою забаву не одну пачку папирос. Скарга не сомневался, что это филер и что от Смоленска до Орши он спал, а в Орше сменил коллегу, отстоявшего тут ночные часы. Тот в Скарговых святцах получил кличку Первый, этот, соответственно, стал Вторым. Цепкий его взгляд скользнул по Скарге, отметил саквояж в руке, оценил Клима и, удовлетворенный осмотром, рассеялся, стал пустым, как у слепца.

---

* Ляховка - дореволюционный район Минска.

Они прошли в хвостовой вагон и протиснулись к двери. Показался вокзал. Поезд начал притормаживать. Скарга соскочил на нижнюю ступеньку и, держась за поручень, прыгнул. Следом немедленно прыгнул Клим. Они нырнули в станционный скверик и понеслись на площадь к стоянке. День был будний, свободные извозчики съезжались к поезду. Они сели в коляску, и Скарга приказал ехать на Суражскую. Там жил Володя Пан - самый надежный человек из его боевой группы. Скарга мысленно ликовал, что вырвался из ловушки, получит убежище и вернет долги. Возница повез их по Петербургской*. Проезжая мимо жандармского управления**, Скарга подумал, что и филеры, и переодетые офицеры, сейчас густо рассыпанные по перрону, здорово всполошатся, когда в четвертом агоне, и вообще в поезде, не окажется разыскиваемого ими беглого эсера. Пока обсудят ситуацию, примут решение, пока разлетятся по улицам агенты, он успеет кое-что сделать. Возможно, лучшим решением было бы расстаться с Климом в поезде, сказав вполне убедительное: "Береженого бог бережет. Выйдем врозь. Встретимся там-то днем". Но такой разумный шаг мог вызвать или создать непредвиденные помехи. Клим, сидевший обок, все-таки страховал его от прямой слежки и погони. Час времени следовало ему посвятить. Скарга рассчитывал, что проявление доверчивости даст ему свободу по крайней мере до вечера, а вечером он исчезнет. Морочить голову настороженному и, похоже, опытному человеку явными выдумками Скарга счел неприемлемым: он сразу интуитивно почувствует обман. Но и знакомить Клима с Паном никак не годилось. Скарга ехал на Суражскую будучи убежден, что Володя в этот час на работе, а на двери очевидным доказательством неудачи выбранного маршрута будет висеть

замок. Тогда они отправятся к Антону, которого тоже не застанут, потому что он до трех часов занят в гимназии. И уж после этих двух ездов обретет полную достоверность его желание поселить Клима в гостинице для отдыха и безопасного ожидания посылки.

---

* Петербургская - ныне ул. Ленинградская.

** В бывшем здании управления ныне размещается один из корпусов медицинского института.

Когда пролетка свернула на Суражскую, Скарге показалось, что смолянин знает, где стоит нужный им дом. Знать адрес Пана, название улицы, место дома в уличной застройке Клима никак не мог, разговор об этом не возникал, и Клима, по его словам, впервые был в Минске. Но Скарге казалось, что Клима знает его маршрут и сейчас доволен своими наблюдениями. Двор Пана был третьим от конца; вопреки расчетам замок на двери не висел, и сама дверь, широко распахнутая, как бы приглашала войти. Скарга успокоил себя мыслью, что в доме хозяйничает тетка, которая жила неподалеку, в Григорьевском переулке, и забегала по утрам сготовить племяннику обед и ужин. Скарга приказал вознице обождать и позвал Клима с собой. Они вошли в тесные сени. На стук никто не отозвался. Тогда Скарга толкнул обитую войлоком дверь, ступил через порожек в комнату и увидел Пана - тот, показалось Скарге, спал за столом, но в какой-то очень неудобной позе. Он сидел на стуле, тело его накренилось влево и левая рука свисала, касаясь пальцами пола, голова и правая рука лежали на скатерти. "Пьян!" - подумал Скарга. Еще через мгновение он оцепенел: на столе, прикрытый рукой, лежал наган, по большому темно-бурому пятну вокруг головы медленно ползла муха, и Скарга понял, что она ползет по засохшей крови, а над правым виском Пана чернел кружочек величиною с грош. То, что Скарга видел и разглядывал, было для него настолько невозможным, абсурдным, что он не верил себе: мысль о мертвом Володе не вмещалась в голову. Скарга беспомощно оглянулся на Клима. Тот глядел на незнакомого ему самоубийцу с суеверным ужасом. Затем Клима перекрестился и обошел вокруг стола. Следуя за ним, Скарга тоже обошел вокруг стола. Его поразили открытые глаза Пана. Он провел пальцами по векам товарища. "Пошли!" - услышал он трезвый голос Клима. Они покинули дом, сели в коляску, и Скарга дал направление: "На немецкую!"

Ехали молча. За всю дорогу Скарга сказал одну фразу. Когда проезжали под железным мостом на Московской, он сказал в лад своим тоскливым воспоминаниям: "В Харькове в нашем корпусе за неделю повесились трое". Клима промолчал, и это Скарге понравилось. Стоит ли спрашивать о людях, которых уже нет. Да и сказать о них нечего. Видел в лицо на прогулках - вот и все знание. И какая разница, что повесились два бундовца и один эсдек* из рабочих. Вчера встречал на прогулке, назавтра - нет, кто-то шепчет - удавился. Ночью нетрудно удавиться. Ночью остаешься сам по себе, наедине с собственной верой.

---

* Социал-демократ.

На Ново-Московской* переехали по мостику канал, в котором струилась обмелевшая Немига, и покатали по Немецкой** в дальний ее конец. Скоро увиделся переезд с поднятым шлагбаумом. За ним высилась купа тополей - Протестантское кладбище***. Здесь город оканчивался, дальше по холмам островками стояли леса. Улица была безлюдна. Только точильщик торчал у чьих-то ворот, и хриплый звон топора, остримого на грубом камне, тревожно разрезал тишину. Двор Антона был отделен от улицы невысоким забором. Скарга жадно рассматривал знакомый дом. У порога дремала хромая дворняжка Ангел. На подоконниках стояли кактусы, на одном алел цветок. Дома, как и ожидал Скарга, никого не было, навесной замок снимал любые сомнения.

---

* Ново-Московская - ныне ул. Мясникова.

** Немецкая - ныне ул. К.Либкнехта.

*** Протестантское кладбище в 70-е годы реконструировано под сквер.

- Не везет, - озабоченно сказал Скарга. - Наверное, на работе. Я уже отвык, что люди работают.

Кто и на какой работе находится, Клим расспрашивать не стал, это его не касалось.

Они возвращались прежней дорогой. Скарга почувствовал, что настала пора избавиться от спутника. При повороте на Захарьевскую*, за железнодорожной церковью** он сказал: "Сделаем, Клим, так. Тут гостиница "Либава". Остановись, если не хочешь болтаться. Встретимся в три на Немиге у синагоги". Клим понимающе кивнул и соскочил с пролетки.

---

* Захарьевская - ныне ул. Советская, а далее - Ленинский пр.

** Деревянная церковь железнодорожников стояла на углу Мясникова и Советской. Снесена в конце 60-х годов.

Скарга попросил извозчика ехать быстрее. У костельной стройки* возница резко придержал лошадь: улицу перебежали коренастый мужчина в чесучовом костюме и полная, под стать мужчине, дама. На злой окрик возницы мужчина оглянулся, и Скарга почувствовал, как замерло и лихорадочно забилось сердце - перед ним на расстоянии прицельного выстрела стоял надзиратель Острович. Пара направилась вглубь Трубной** улицы. Широкая спина Островича маячила в сорока шагах, как мишень. Скарга приказал извозчику ехать следом. Супруги свернули в Тюремный переулок***. Тогда Скарга отпустил пролетку и поспешил за надзирателем. Калитка, в которую вошли супруги, была выкрашена в синий цвет. Сквозь щели в заборе Скарга подсмотрел, что Острович торопится за сарай, а женщина открывает дом. Не задерживаясь, Скарга прошел в конец переулка до откоса, на котором высился тюремный замок. Тут он постоял, разглядывая зарешеченные окна, где восемь месяцев назад Острович топтал его сапогами и истязал Ольгу. Воспоминание вызвал у Скарги ярость. Он решил, что казнит Островича здесь, рядом с тюрьмой.

Казнь можно было исполнить в эту минуту, но Скарга пересилил искушение. Он вспомнил, что казнены должны быть еще двое: надзиратель по фамилии Новак и жандармский офицер Живинский, разрешивший насилие. Но смертный приговор мог быть вынесен исключительно комитетом. Самосуд ставил исполнителя вне партии. Для политического убийства два тюремных надзирателя - слишком маленькие особы. Антон с его трезвым холодным умом возразит, что такое убийство более похоже на месть и лишь понизит авторитет П.С.-Р****. Но эти люди жить не должны. Скарга не знал, как разрешить такое противоречие. Он решил, что обдумает его вечером. Теперь же следовало встретиться со своими, взять деньги и передать их комитету. Вспомнив об этой обязанности, он внутренне собрался. Протоптанной стезжкой он спустился с откоса на Романовскую*****; миновал пожарное депо*****; за воротами которого ржали лошади, и дворами вышел на Богоявленскую*****. Книжная лавка пана Винцея выпустила покупательницу; Скаргу охватило желание увидеть старика, но и эту встречу он отложил на позже. Ближайшая явка находилась за углом, по Захарьевской, в фотографическом салоне. Держал явку Белый, отношения с ним у Скарги были натянутые, но теперь выбирать не приходилось. Скарга решил рискнуть. На двери висела табличка "Приносим публике извинения - идет проявка пластин". Скарга толкнул дверь. Звякнул колокольчик, вызывая мастера. В зале стоял на треноге фотоаппарат, нацеленный объективом на декорацию. Из проявочной появился Белый.

---

* Строился Красный костел.

** Трубная - ныне ул. Берсона.

*** Тюремный пер. - ныне пер. Берсона.

**** Партия социал-революционеров (эсеров).

***** Романовская - ныне ул. Республиканская.

***** В этом здании и сегодня находится пожарная часть.

***** Богоявленская - ныне ул. Комсомольская.

- Здорово! - Скарга протянул руку для приветствия.

Рукопожатие Белого было крепким, но желанной товарищеской радости на лице Белого Скарга не заметил. Удивление - и следом равнодушие.

- Есть кто у тебя? - спросил Скарга.

- Только ты, - пошутил Белый. - Святой, правда, заходил. Пять минут как ушел.

- Жаль, что разминулись, - огорчился Скарга.

- Если нужен - найдем, - сказал Белый.

Он закрыл дверь на задвижку, и они устроились в проявочной, где горел красный фонарь.

- Бежал? - спросил Белый, но спросил как-то без интереса и сочувствия, словно из вежливости. Скарга не обиделся, он знал, какой грех Белый никогда ему не забудет.

- Извини, что пришел, - ответил он. - Но время такое - все работают. А у меня обстоятельства...

- Понимаю, - сказал Белый. - Чем помочь?

- Надо переодеться, - Скарга достал бумажник и отсчитал десять рублей. - Что-нибудь попроще, под мастерового.

- Это нетрудно, - кивнул Белый, взял деньги и вдруг поинтересовался, глядя Скарге в глаза: - Скажи, как тебе повезло бежать?

В вопросе Скарга уловил налет недоверия.

- Чудом! - ответил он и невесело усмехнулся: - Без всякого преувеличения - чудом. Вечером расскажу. А как у вас?

- Никак! - исчерпывающе сказал Белый.

Скарга подумал, что Белый остерегается, но тут же у него мелькнула мысль, что этот односложный ответ отражает правду: притихли, зарылись в золу, успокоились. Наверное, действительно никак, если Володя Пан пустил себе в висок пулю. Следовало рассказать или расспросить о Пане, но Скарга раздумал: доверия со стороны Белого такой рассказ ему не прибавит. Не сказав о Пане, он, однако, задал вопрос, который мучил его и был мучителен для Белого.

- Как Оля? - спросил Скарга.

- Сам понимаешь - плохо, - с укором отвечал Белый, и Скаргу пронизало стыдом. - Теперь она в Воложине, у тетки. Мать отвезла. Два месяца пролежала в Троицком госпитале*. Онемела. То есть может говорить, но молчит.

---

* Троицкий госпиталь - ныне больница на ул. Горького напротив Троицкого предместья.

Белый любил Ольгу, считал ее своей невестой, и сейчас Скарге слышалось в его словах убежденное обвинение: ты - виновник ее бед, разрушитель нашего счастья.

- Она травилась, - говорил Белый. - Выпила эссенции. Еле откачали... Скажи, Скарга, - Белый пытливо глядел ему в глаза, - что они сделали там, в тюрьме, с Ольгой...

- Издевались, - сказал Скарга.

- Кто?

- Два надзирателя.

- Били?

- Да.

- Изнасиловали?

Белый боялся, и Скарга его пожалел.

- Нет, - сказал он.

- Ответь, - Белый уже не мог сдерживать неприязни, - зачем ты взял Ольгу с собой, когда нес в депо листовки?

- Оплошность, - сказал Скарга. - Только знай: брали меня не в депо, а перед воротами. Подошли трое, назвали мою фамилию и повисли на руках. Я пытался отбиться, Ольга ввязалась...

- Я понимаю: повисли, не уйдешь. Но как ты мог взять ее с собой?

- Не лезь в душу, - мрачно попросил Скарга. - Хочешь - помоги, не хочешь - откажись, не обижусь. Если сейчас нас схватят, тебя тоже будут бить.

Белый хотел что-то возразить, но раздумал.

- Ладно, Скарга, прости, - он поднялся. - Что еще кроме одежды?

- Еще передать Антону, что буду ждать в два часа где обычно.

- Передам, - кивнул Белый. - Все?

- И главное, - сказал Скарга. - В Смоленске я попал на проваленную явку. Такое у меня чувство. Возможно, я ошибаюсь. Меня не схватили, помогли с паспортом, дали курьера из боевиков. Может быть, это агент полиции. Думаю, что они решили выйти на нашу кассу. В три часа я встречаюсь с этим человеком на Нижнем рынке. Пусть Святой или Синица проследят его "хвосты".

- Синица откололся, - сообщил Белый. - Он теперь с громадовцами, возрожденец*. Но кого-нибудь найду...

---

* Громадовец - член Белорусской социалистической громады. Партия одной из целей своей деятельности ставила национальное возрождение Белоруссии. Отсюда - возрожденец.

Белый ушел. Скарга открыл саквояж, где под сменой белья лежал наган, привалился спиной к стене и зажмурил глаза. Красный свет его раздражал. Зажмурившись, он увидел Володю Панкевича, но не с пулевой дырочкой над виском, а на прошлогодней маевке. Пан был в красной рубахе. Кто-то принес вино. Пили за будущее. Святой играл на гитаре. Подошел Антон с сестрой. Ольга смеялась. Белый еще не чувствовал к нему ненависти. Было это на берегу Свислочи в Серебрянке. А теперь Пана нет, Ольга - помешанная, он - беглый и скорее готов умереть, чем вновь оказаться в камере. Во второй раз сбежать не удастся. Повезло. Бог чудес не повторяет. Повезло, потому что однажды вечером уголовники, соседи по камере, стали спорить на занятную тему - можно ли выпилить оконную решетку хирургической пилой. Такая пила лежала в стеклянном шкафу в кабинете тюремного доктора. Их фантазии зажгли в нем надежду. Потом из ежедневных наблюдений он вывел, что в полдень ворота тюрьмы отворяются и въезжает хлебный фургон. В этот час двор пустует, всех арестантов уводят с прогулки в камеры. Повозку тянет кляча, на козлах сидит старик, караульный стоит у правой створки ворот. И если каким-то образом оказаться во дворе, то есть путь на волю. После разгрузки караульный проверяет фургон - не втиснулся ли туда беглец, и

старик выезжает прочь, чтобы появиться завтра. И в некую ночь сложился план побега из харьковской тюрьмы, где надзиратели с особенным рвением изводили социалистов-революционеров. Им дали это почувствовать на приемке, когда их, партию новоприбывших, разделили на уголовных и политических. Уголовники, которых повели в баню первыми, злорадно предвещали: "Сейчас вас примут!". Надзирателей было десятка три, они выстроились в две шеренги, и по этому коридору из мордovorотов требовалось пройти до двери голышом, что было противно и усиливало незащитность. Того, кто спешил, защищался, прикрывался, сбивали с ног и топтали сапогами, а потоптав, перебрасывали от одного к другому, неторопливо подвигая к моечной, куда арестанта выкидывали полуживым. Каждый удар сопровождался мстительным объяснением: "Вы у нас постреляете, сволочи!". Два киевских эсера после этой приемки умерли. Доктор, осмотревший их в камере, назвал причиной смерти врожденный сердечный порок. Надзирателем по второму корпусу, где сидел Скарга, был шестипудовый громила Степанчук. Некогда он служил в Семеновском полку. Полковой командир казался ему не ниже небесного покровителя. И вдруг, столь великий человек, генерал Мин, командир лейб-гвардии Семеновского полка, лег в гроб с пулей в сердце, казненный социалистами-революционерами за массовые убийства рабочих в Москве. Еще он мстил за Гапона, повешенного боевиками, и за убитого летучим отрядом эсеров полицейского пристава Жданова. Две недели пришлось стонать по ночам, корчиться в притворных муках днем, но все-таки настал час, когда Степанчук привел его в первый корпус на первый этаж, где в конце коридора помещался в двух комнатах тюремный доктор. Этот доктор, по фамилии Коваленков, аттестованный в среде арестантов кличкой "Червяк", будет помнить его до гробовой доски. Он вошел в кабинет около одиннадцати, а к ужину по всем телеграфным линиям разносились депеши о розыске беглого эсера-боевика Булевича Кирилла Ивановича, уроженца Минска, 1882 года рождения, рост средний, глаза карие, особые приметы - шрам на груди от штыкового ранения. Вооружен, в связи с чем желательно пристрелить...

Белый принес от старьевщика пиджак, косоворотку, картуз и кортовые, с латками на коленях брюки. Скарга переоделся. Его пристойные костюм и шляпу Белый спрятал в шкаф, где хранились бутылки с реактивами. Пистолет доктора Скарга переложил в карман пиджака.

- Куда теперь? - спросил Белый.

- За деньгами.

Где спрятаны деньги, которые группа экспроприировала восемь месяцев назад в Государственном банке, Белый распытывать не стал. Такие дела его не касались, он отвечал за листовки.

- Давно видел Пана? - поинтересовался Скарга.

- Недели две. Что, отыскать?

- Не надо. Сам найду.

Отыщет Володю Пана его тетка, подумал Скарга. А ей под семьдесят лет, и смерть племянника ее добьет. Такая смерть...

- Ну, бывай, - Скарга взял саквояж.

- Погоди, - сказал Белый, - сделаю снимок. Серж тебе документик сработает.

- Не повредит, - обрадовался Скарга и сел на стул у полотняного задника. Белый начал наводить аппарат, зарядил его пластиной. Сказал по привычке "Гляди сюда. Сейчас вылетит птичка!" и поджег магний.

- Надеюсь, что буду похож, - с подковыркой сказал Скарга.

- Я тоже надеюсь, - засмеялся Белый.

Скарга вышел из салона через дворовую дверь.

Предстояло самое важное - увидеть Витю и взять деньги. Она жила в Архирейской Слободке. Тянуться туда пешком через весь город и парк Скарга не рискнул. Он перешел улицу, постоял у подъезда гостиницы "Одесса" и через несколько секунд сидел в свободной пролетке. Тут же свернули на Магазиновую*, с нее - на Скобелевскую**, у парка переехали Свислочь, а далее по Слободке*** Скарга решил пройтись. Скрипел под ногами деревянный тротуар, и скрипел очень противно, пугающе. За восемь месяцев многое могло тут измениться: и дом мог сгореть, и Витя могла уехать, и кто-нибудь мог порываться на чердаке. Дай бог, чтобы не полиция. Если бы полиция обнаружила портфель, то и безвинную Витю посадили бы за соучастие в экзе, и Острович с Новаком поиздевались бы над ней, как над Ольгой. Среди мучительных видений, которые преследовали Скаргу в камере, было и такое - обыск у Вити, полицейские лезут на чердак.

---

* Магазиновая - ныне ул. Кирова.

** Скобелевская - ныне ул. Красноармейская.

*** Слободка - ныне ул. Пулихова.

Дом был закрыт, но ключ, как и прежде, лежал за наличником. Это означало, что Витя на работе, а может быть, подумал Скарга, означало еще, что ключ ждет его, предназначен ему, именно ему. Ключ за наличником - знак ожидания. В сенях он поставил на стол табуретку, откинул крышку лаза в потолке и забрался на чердак. Ступая по балкам, он дошел до печной трубы, отмерил от нее полсажени и начал раскапывать толстый слой золы, перемешанной с песком. Портфель был на месте, Скарга радостно улыбнулся. Он открыл портфель и пересчитал пачки: пачек было одиннадцать, а денег в них - девяносто две тысячи. Он рассовал их по карманам, закинул портфель в угол, заровнял раскопанное утепление и спустился вниз. Тут он завернул деньги в полотенце, перевязал веревочкой и спрятал сверток в саквояж.

Потом он побродил по комнатам, разглядывая фотокарточки Вити, ее отца, который жил в Варшаве, и матери, давно умершей. Ничего в жизни Вити вроде бы не изменилось, но его жизнь стала иной. Скарга сознавал с печальной ясностью, что он сюда не вернулся, он сюда убежал. И верно, поступит правильно, если вообще не покажется на глаза Вите. Что может предложить ей он, беглый политический преступник, которому за побег, нападение на надзирателя, насилие над доктором, кражу оружия дадут сорок лет каторги. Если, разумеется, схватят. Если не схватят, он будет жить на нелегальном положении, но это - опять же - жизнь под гнетом ежедневного разоблачения. Зачем Вите нести такой крест? И самый лучший вариант - уйти в эмиграцию. Если отпустят, если комитет даст деньги и адреса. Неизвестность закрывала будущее, и какими словами пригласить в эту неизвестность молодую женщину, Скарга не знал...

Он запер дверь и положил ключ за наличник. До встречи с Антоном оставалось два часа. Разгуливать с сотней тысяч по улицам не годилось. Скарга вспомнил о старике. Через полчаса он оказался на Преображенской*, нырнул в подворотню, попетлял в лабиринте сараев и вышел на Богоявленскую возле книжной лавки. Заглянув в окно, он увидел старика и девушку в шляпке. Это его успокоило. На скрип двери девушка обернулась. Светленькое платье и шляпка с белой ленточкой напомнили ему Ольгу в день их знакомства на Вокзальной площади. Он, Пан и Святой в красных рубахах под пиджаками проталкивались к трибуне. И он обратил внимание на миленькую девушку в светлом жакете поверх светлого платья. Внезапно с переходного моста, занятого солдатами, грянул залп. Отворились буфетные окна вокзала, высунулись винтовки и тоже ударили залпом. Тысячные толпы людей ринулись в узкие улицы, где заслоны из городских расстреливали людей в упор. Начала стрелять рота от дебаркадера, и Ольга в своем светлом платье и светлом жакете металась под перекрестным огнем, как живая мишень. Он бросился к ней и свалил на мостовую. Расстрел длился минут десять. Вокруг стонали раненые. Наконец выстрелы смолкли. Она увидела на нем красную рубаху и закричала: ей показалось, что он залит кровью и умирает. Он сказал, что красные рубахи носят эсеры, потому что красный цвет - цвет народной крови. Ее бил озноб ужаса; кровавые лужи, в которые пришлось им ступать, довели ее до обморока. Он донес Ольгу до железнодорожной церкви, где ей дали понюхать нашатыря. Потом он проводил ее домой в Григорьевский переулок**. Они стали встречаться. А потом она в него влюбилась, а в нее влюбился Белый, а он влюбился в Витю, а Белый, не зная о Вите, томился ревностью. Жалея товарища, Скарга начал избегать Ольгу, а она, наоборот, его искала. Случай свел их в конке, когда он ехал в депо. В тот вечер дождило, холодный ветер бил в лицо, он торопился, а Ольге не хотелось с ним расставаться. Депо начиналось за переездом, а Григорьевский переулок расположен перед ним. Оля прошла лишних сто метров...

---

* Преображенская улица - ныне ул. Интернациональная.

** Григорьевский переулок - ныне здесь депо Минского метрополитена и автобусная станция "Товарная".

Девушка рассчиталась за приобретенную книгу и вышла. Старик закрыл дверь и повел Скаргу за перегородку, где стояли узенький топчан, стул и глубокие полки с книгами. Скарга испытывал к старику нежность. Старик доводился ему родственником, степень родства трудно было сосчитать, но оно сохранялось в семейном предании. Родство это ожило для Скарги летом пятого года, когда он возвращался из Маньчжурии поездом Красного Креста. Старика он вспомнил на Читинской станции - где-то неподалеку пан Винцесь отбыл три года каторги и семь лет ссылки. Столько стоило ему участие в стычке с казаками под Игуменом в шестьдесят третьем году. Вспоминать о прошлом он не любил, ни одной из политических партий не верил, считая, что все они заменяют смысл целью, а к своим членам относятся как к средству. "Ну и что вы построите? - говорил он. - Новое государство? Без насилия и принуждения? Христос не изменил, куда уж тем, что с наганами". Необходимость борьбы он признавал, потому что и Христос боролся, но в победу не верил. Борьба и результаты, по его мнению, были связаны кривоколенным механизмом. Пан Винцесь был высокого роста, грузный, седой, выглядел намного старше своих шестидесяти пяти лет, и слова его Скарга до тюрьмы воспринимал, как показатель старческого нежелания менять привычные обстоятельства. В камере он сообразил, что у старика другой, большой и более тяжелый

опыт. Он жалел старика, когда ему вспоминалось такое его признание: "Знаешь, что я не могу вспомнить? Хоть убей меня, не могу вспомнить, что в своей жизни я сделал по собственной воле".

- В бегах? - сочувственно сказал старик, разглядывая маскарад Скарги.

Скарга понял, что сочувствие относится к его появлению в Минске.

- Пришлось, - кивнул он.

- Могу адрес дать, - сказал старик. - У меня под Вильней очень хороший друг живет.

- Спасибо, пан Винцесь, не надо. Я с другой просьбой, - Скарга достал из саквояжа сверток. - Разрешите оставить у вас вот это.

Старик, не интересуясь, что в свертке, показал на полку:

- Прячь. Когда потребуется?

- Не знаю. Может через два часа, может ночью.

- Если ночью - возьми, - старик снял с гвоздя ключ. - Зайдешь со двора. Дверь обита жостью.

- Вместо меня, - сказал Скарга, - может прийти человек, который назовется... - Он подумал, что неизвестно еще, когда встретится с Антоном, может и не встретиться, и предложил более надежный вариант: - который скажет: "Скарга послал". Но если завтра никто не придет, и пакет будет на месте, прошу, пан Винцесь, зайти в первую гимназию и спросить Гурина. Он заберет.

Старик вышел в лавку и вернулся с маленькой коробочкой из-под сосулек.

- Бери, - он поставил коробочку на стол. - Здесь шестьдесят рублей золотом. На дорогу.

Скарга понял, что это прощальный подарок. Верить в новую встречу им не приходилось. Он поднялся и обнял старика. Оба вздохнули, испытывая горечь разлуки и беззащитность перед временем.

Через десять минут он шел по Захарьевской в Александровский сквер*. У входа разносчик продавал газеты. Скарга взял одну и сунул в карман. Вокруг фонтана бегали дети. Городовой одиноко сидел на скамейке в тени и, сложив на животе руки, смотрел, как из горла лебедя бьет струя. Скарга присел возле городского. Тот покосился, но смолчал. Мягкий шелест воды навевал успокоение. Видимо, городской был умиротворен. Взгляд Скарги тоже приковался к струе. Когда он родился, фонтан уже стоял. Зримым свидетельством приобщения губернского Минска к такому признаку цивилизации, как водопровод. Мальчик и лебедь - sentimentalный символ захолустья. Тут все знают, что они провинциалы. Даже на собственные газеты поставили клеймо этого глухого угла. Вот, пожалуйста. Скарга глянул на название газеты - "Окраина". А еще была газетка "Голос провинции", усмехнулся он. Но тут же подумал, что у провинции может быть очень раскатистый голос. Вся империя почувствовала это, когда Гриневицкий бросил бомбу в царя. Приехал провинциал и метнул в царя бомбу. И партия эсеров была создана здесь, в провинциальной Минской губернии. А теперь не только царь, все они боятся. Им не будет пощады. Они поняли это, когда социалист-революционер Болмашев казнил министра внутренних дел Сипягина, когда могилевский эсер Карпович казнил министра народного просвещения Боголепова, минский боевик Ваня Пулихов метнул заряд в Курлова, а отважная девушка Спиридонова стреляла в народоненавистника Луженовского. Социалист-революционер Сазонов казнил Плеве - еще одного

министра внутренних дел. А сколько полковых командиров и черносотенцев отправилось вослед за генералом Мином. Летучий отряд боевиков казнил Аврамова. В Могилеве член боевой пятерки Лида Язерская ранила губернатора. И помощник полицмейстера Мизгайло получил три выстрела в грудь. А здесь в Минске, наши боевики освободили и тюрьмы Катю Измаилович, и надзиратель Крживицкий, пытавшийся помешать побегу, был застрелен. Минские боевики вогнали по пуле в пристава Гоголя и полицейского Шимановича. Теперь не только эсеров, бундовцев и эсдеков везут на кладбище, теперь и жандармский ряд там растет. Поэтому жандармы и не взяли его в Смоленске. Они боятся, что девяносто две тысячи боевики обратят в наганы и динамит. Им надо отнять деньги у партии. Но уже не отнимут. Скарга испытал гордость, что главное дело он сделал.

---

* Александровский сквер - сквер у театра имени Янки Купалы.

Но все равно, подумал он, расслаживаться в географическом центре Минска опасно. Тем более что работа выполнена лишь наполовину. Он покинул сквер и устроился за оградой Крестовоздвиженской церкви*, где среди кустов стояло несколько скамеек. Никто на них не сидел, вообще никого за оградой не было. Это его обрадовало, но мысль, что он радуется отсутствию людей, мгновенно обратила радость в злость "Сволочи!" - подумал он. Слово означало для него всех должностных чинов, он ощущал их как тяжелый огромный ком из тысячи сытых морд. Сволочи! Почему он должен прятаться, выискивать место, где нет живой души. Пользуются тем, что люди не выдерживают пыток, сходят с ума или, растоптанные сапогами, брошенные на костолом, теряют волю. Кто этот Клим? А хозяин смоленской явки? Промахнулся, выдал себя с головой, когда ляпнул, что комитет давно ждет сумму экса. Но что мог ожидать краевой комитет, если Скарга сидел в тюрьме, а кроме него никто не знал, где спрятаны деньги. Ни Антон, ни Пан, ни Святой. Иначе они уже давно были бы отданы в кассу. Он спрятал их у Вити на чердаке, а должен был оставить в часовенке на Золотой Горке. Так получилось. Сразу после экса он зашел к Вите и остался там на два дня. А на третий его схватили с листовками. Много неясного с хозяином явки и Климом. Может, и не было ловушки и предательства. Ощущение, что попал в капкан, пришло ночью. Вдруг проснулся с ясным осознанием - попался. Утром он сказал хозяину, что ему, беглому, необходима помощь, нужен смелый боевик, желательно легализованный; он и повезет деньги из Минска. Хозяин явки решил посоветоваться с "товарищами". Советовался он целый день, а вечером появился в квартире с Климом, которого охарактеризовал: "Вот наш надежный товарищ!" А в поезде обнаружили два филера. Для кого он надежный?

---

* Снесена в 30-е годы. На ее фундаментах построен Дом Красной Армии (ныне Дом офицеров).

Обманчиво минское спокойствие. Утомленные борьбой стреляются. Беглые приезжают. Филеры должны рыскать по городу. А в тюрьме надзиратели насилуют какую-нибудь невесту бундовца или эсера. А потом Острович невинно гуляет с женой по улицам, водит ее к фонтану, в городской театр, к родственникам. Они знают, кем он работает и, возможно, любят послушать его рассказы про уголовников, каторжников, боевиков. Даже сочувствуют: тяжелый хлеб - легко можно получить камнем по голове. А расстройство ума у некоей девушки, знакомой боевика, взятого с

листочками и наганом... Зачем рассказывать жене и своякам о таких женщинах? Да и грех ли то, что делается во вред врагам государства? Едва ли это грех, хотя, конечно, и не заслуга. А если грех, то - не смертный. Но уж никак не преступление. Для успокоения совести можно дать ему благопристойную дефиницию - средство дознания...

Чтобы Ольге стало спокойно, подумал Скарга, те трое скотов должны умереть. Она должна узнать, что их нет, что она их никогда не встретит и не закричит от ужаса. Ее крик вновь услышался Скарге, словно он снова сидел в пыточной на железном стуле. Его били, отливали водой и опять били, и, когда Живинский убедился, что пытками не сломает его, приказал привести Ольгу. Вот твоя подружка, ты говоришь, что она ничего не знает, ни к чему непричастна. И заорал: "Так пожалей ее!" И вышел. А Новак и Острович подошли к Ольге. Новак ударил ее в живот, сорвал блузку, юбку и, полуголую, обезумевшую, стал насиловать. Подошел Острович и, ухмыляясь, спросил: "Ну, вспомнил?" А он, собрав силы, всадил ему в пах сапог. И тогда Новак с Островичем постарались... Как после этого слушать людей, которым не нравится, что эсеры-боевики казнят убийц. "Террор не средство революционной борьбы". Утописты. Одиночный террор - неправильно, а массовый террор, которым неизбежно становится гражданская война, как показал пятый год, разве не то же самое? Массовый террор складывается из суммы индивидуальных терактов. Что, надо было ждать победы революции, чтобы привлечь к суду генерала Мина?

Скарга глянул на часы - близилось время встречи. Он вышел с подворья и, держась деревянной оградой сквера, двинулся к театру. Конечно, думал он, нетрудно найти массу доводов против тяжелой работы. Политический террор - гнетущая обязанность. Социалисты-революционеры взяли эту работу на себя. Поэтому они и революционеры в отличие от социалистов-эволюционистов. Поэтому эсеры и взяли себе честный девиз: "В борьбе обрешь ты счастье свое". Сволочи не боятся слов, они боятся организованного террора. Погромов стало меньше, когда в Ветке наши казнили черносотенца Кухарева, в Шклове вогнали нож в грудь погромщика Бурого, в Двинске ранили пристава Дегтярева и полицмейстера Булыгина, в Бресте казнили фабриканта Полевского, а в Минске - полицмейстера Шкляревича. Жизнь за жизнь. Только за попытку покушения на полицмейстера Норова минский эсер Оксенбург получил пятнадцать лет каторги, и все равно их стреляют...

У театра он пересек улицу, миновал одноэтажный дом и вошел в подъезд следующего, двухэтажного. Здесь он простоял минуты две, готовый уйти черным ходом, пока сверху не послышался тихий голос: "Чисто!" Он взлетел по лестничному пролету и попал в объятия товарища. "Ну, слава богу, выбрался! Жив! Цел!" - повторял Антон. Расцеловав Скаргу, он объявил, что времени у него десять минут: на один урок его заменили, а на следующий замены нет. Скарга объяснил, где лежат деньги, отдал ключ и назвал пароль для старика. "Отлично, - кивнул Антон. - Пошлю ребят". Тогда Скарга рассказал о смолянине и смоленской явке. Антон согласился, что явке доверять нельзя, а приезжего надо проверить. Тогда Скарга сказал о смерти Пана. "Жаль, - помрачнел Антон. - Хороший был парень. Но зачем? - добавил он. - Ведь неумно. Назло врагу". Скарга в душе согласился с такой оценкой. "Ладно, - сказал Антон, - вечером потолкуем. Оставаться тебе здесь нельзя. Сам понимаешь. Документы у тебя тоже, думаю, липовые?" Скарга кивнул. "Постараемся сделать. Документы и адрес. Деньги, - он улыбнулся, - ты сам раздобыл. Только будь осторожен. Хотя бы до вечера не попадись. Встретимся в девять. Если я не смогу, придет Святой или кто еще известный тебе". - "Где?" - спросил Скарга. "Где хочешь. На Золотой Горке устроит?" - "Вполне, - сказал Скарга и вспомнил последнее поручение. - Сохрани! - он достал из кармана подарок пана Винцеса. - Тут золото". - "На побег выдают?" - пошутил Антон. "Подарок деда! В

случае чего вернешь ему". - "Не беспокойся". Они распрощались, и Антон покинул подъезд черным ходом. Недолго обождав, Скарга вышел на улицу, но через парадное, куда входил.

У кафе Венкжецкого он почувствовал, что к нему прилип филер. Остановив пристойного господина, Скарга поинтересовался, который час, и пока господин доставал брелок, успел рассмотреть филера. Это был блеклый малый в модном костюмчике и в кепочке с пуговкой на макушке. Держался он в десяти шагах. Скарга вошел в кафе и глянул в окно - филер прикуривал папироску. "Ну, покури!" - подумал Скарга, нырнул в кухню, оказался во дворе и, затратив десять минут на кружной путь, вышел на Крещенскую* к Пушкинской библиотеке. За барьером, отделявшим книжные фонды от посетителей, сидела знакомая Скарге библиотекарьша; десятки раз она держала в руках его формуляр, принимала и выдавала книги, не однажды они беседовали и о книжных новинках. Несомненно, она знала, что образованный, воспитанный господин Булевич сидит в тюрьме. Она доброжелательно ответила на приветствие, и на лице ее отразилось желание припомнить фамилию посетителя, чтобы без вопросов и подсказки достать из ящика его формуляр. Но отождествить того милого читателя с этим человеком в одежде мастерового ей не удалось. Скаргу это порадовало.

---

* Крещенская улица - ныне часть ул. Интернациональной от пл. Свободы до ул. Янки Купалы.

- Вера Семеновна, - спросил он, - не подскажете, где найти Викторию Петровну?

Ему казалось, что она ответит: "Сейчас позову". Но она ответила:

- Виктории Петровны сегодня не будет. Она уехала к жениху.

Куда уехала Витя, кто ее жених, Скарга спрашивать не стал.

2. КЛИМ

Я был почти уверен, что беглый эсер на встречу не придет. Доля сомнений возникала из нереального ощущения, что Скарга принял все за чистую монету. Но в подобную слепоту настороженного человека трудно поверить. Поэтому хоть я и пришел в три часа на Немигу и стал у стены древней братской школы, отданной евреям под синагогу, я крайне удивился и обрадовался, когда Скарга появился в толпе. Шел он со стороны моста. Я обрадовался, но и мгновенно напрягся - нелогичные поступки чреватые неприятностями. По моим ощущениям, он не верил ни хозяину смоленской явки Клочкову, ни мне. Беглые шкурой чувствуют фальшь, и его заманчивое предложение ехать в Минск с курьером от смоленского комитета лично я расценил как попытку вырваться из захлопнувшейся ловушки. Но подполковник, который вел это дело, убежденно возразил: "Не вырвется. Если даже сбежит от вас по дороге. Нам известны его минские адресаты". Мне назвали три адреса, по которым Скарга может поехать с вокзала. И действительно, на одну из

этих конспиративных квартир, в списке она стояла второй, мы и отправились. Мне было приятно сознавать, что наши люди владели точной информацией, но и насторожило: если Скарга не верит мне, то зачем раскрывает явку? Войдешь в квартиру, а там тебе заткнут кляпом рот, и ночью боевая организация вынесет приговор. За домом, правда, велось наблюдение - по улице в соответствии с планом бродил стекольщик. Но увидеть самоубийцу за столом никто не предполагал. Скарга был сражен этим страшным зрелищем, у него явно ум за разум зашел. Да и у меня в первую минуту тоже. Он остолбенел и собственным глазам не верил. Мне даже стало его жаль: едешь к товарищу, а точнее, пробираешься после побега к своему верному человеку, а он взял да и пустил себе в висок пулю. Словно именно для того, чтобы разрушить твои надежды и планы. И мои, наши - тоже. Но странно выглядело это самоубийство, оно мне сразу не понравилось. На человеке грубые сапоги, рубаха в масляных пятнах, то есть встал по гудку, оделся, чтобы идти на свой стекольный заводик, где работал штамповщиком, и вдруг обезумел, взял наган, сел за стол и лишил себя жизни. Не банкрот, не плаксивый художник, а эсеровский боевик. Рослый, крепкий малый лет двадцати пяти.

Стоять и смотреть на него не имело смысла. Я вернул Скаргу к действительности, мы вышли и поехали по второму адресу (в списке он стоял третьим). Но тут дом был закрыт, а внешнее наблюдение вел точильщик. Там - стекольщик, тут - точильщик. Воображение минских сыскных офицеров меня раздосадовало. Может, и Скарга обратил внимание на такую странность. А может, и не заметил нашей оплошности, прибитый своим несчастьем. Но скоро использовал его, чтобы расстаться со мной по вполне уважительным причинам - надо разыскать своих, а для этого водить с собой курьера необязательно. И мне пришлось сойти с коляски и смотреть, как она уносит беглого к возможному спасению. Вариант, что Скарга уйдет от меня в Минске, был проработан. Задержание в мои обязанности не входило. Я - просто Клима из смоленской боевой дружины и должен выказывать полное доверие к каждому слову и действию своего минского коллеги, товарища по партии. Мне сказали, что там есть агент, и о всех шагах Скарги, как бы он ни ловчил, все равно станет известно. Его ждут в Минске уже три месяца, с того дня как получили известие о побеге, мышеловка готова, она захлопнется, как только он достанет из тайника награбленное или - на их языке - экспроприированные у государства деньги. В сущности, моя задача сводилась к одному - доставить Скаргу в Минск живым и невредимым.

Следуя его совету, я зашел в гостиницу "Либава", но там не было ни свободных номеров, ни телефона, и я отправился на вокзал, где из полиции позвонил в управление. Спустя четверть часа к моему столику в ресторане подсел красавец-брюнет в сером костюме.

- Валерий Иванович? - спросил он.

- Павел Кузьмич? - спросил я.

Мы поздоровались. Зрачки у ротмистра Живинского были сужены до точечного размера, из-за чего зеленоватые его глаза казались пугающе пустыми. Подлетел официант. Ротмистр заказал кофе по-варшавски.

- Ну, что этот прохвост? Ушел-таки?

Живинский усмехнулся. Ему было приятно, что кого-то обвели вокруг пальца. Грубоватый, с ехидцей юмор я не люблю. Мне захотелось возразить. Я знал из представленных мне сведений nepозволительные промахи Живинского. Можно было ответить: "Увы, ушел. Но как же вы, Павел Кузьмич, прошлой осенью признания в грабеже не добились? Знакомую его бог знает зачем отдала на позор, обозлили арестанта. А важнейшее - девяносто две тысячи из Государственного банка -

пропустили мимо глаз". Но спорить с неумным человеком - зря терять свою жизнь. Я согласился с неоспоримой правдой: "Да, ушел!". И взял реванш сообщением о самоубийстве на Суражской улице. Известие потрясло его не менее, чем Скаргу. А может, и сильнее. Он даже головой помотал, как от удара в челюсть. После чего удивленно и несогласно сказал: "Извольте...", затем грибоедовской фразой "Свежо предание" выказал недоверие. Я понял, что наконец-то у него включился в работу мозг. Через минуту раздумий он принял решение и побежал на телефон распорядиться о криминальном расследовании. Скоро ротмистр вернулся, и мы обговорили последующие действия. Живинский тоже не верил, что встреча назначена Скаргой серьезно. Тем не менее, коли она назначена, то следует прийти. Мы договорились встретиться в половине третьего в отеле "Гарни", во втором номере. Там я получу новые данные, а в окно мне будут показаны филеры, назначенные страховать меня и вести наблюдение за Скаргой, если он придет. Вступать в контакт с филерами я не должен, они узнают меня по внешним приметам. В конечной удаче всей операции Живинский не сомневался ни на йоту. "Каждый шаг этого типа будет известен, - говорил он. - Там надежный информатор". - "Дай бог!" - сказал я.

Мы расстались, и я, закончив завтрак, отправился на прогулку. Предстояло убить несколько часов времени, а в три на Немиге поглядим: придет боевик - хорошо, не придет - еще лучше. Грехов на этом беглом на пятьдесят лет каторги, у него в карманах два пистолета, терять ему нечего, а у меня жена и сын семи лет, и ожидается перевод с повышением в Москву. Мне и не хотелось, чтобы он пришел; мелкая роль в чужом плане не пробуждала во мне профессионального интереса.

Однако возник, приближается, я издали приметил в толпе коричневый пиджак. Место для встречи он выбрал удачное: почти на стыке двух улиц, рядом рынок, толчея, уйти тут легко, но зато и следить удобно. Немногое на этом свете можно оценить однозначно. Вид у моего "товарища по боевой организации" был невеселый, если не сказать мрачный. Что-то у него, верно, не ладилось. Как наткнулись утром на покойника, так, в соответствии с приметой, все и пошло вкривь.

- Ты что такой грустный? - участливо спросил я.

- Да тут... сложности, - ответил он без охоты. - Кого нет, кто в отъезде. Деньги сможем взять только вечером. Так что уедешь ночным или завтра.

- Лучше б ночным, - сказал я искренне. Гостить в Минске мне не хотелось.

Заявленная возможность ночевки заставила его припомнить утренний разговор.

- Устроился в гостиницу?

- Нет, в "Либаве" не было мест.

- Знакомился с городом?

- Зачем? Сидел в электротеатре. Два сеанса.

Это было чистой правдой. Бродить по церквям и костелам я не люблю, музеев в Минске нет, исторических памятников тоже, архитектура захолустная даже в сравнении со Смоленском.

- Устроимся как-нибудь, - сказал он. - А пока занятия нам нет. Пошли, походим.

Я понял, что он решил проверить меня на сопровождение. Мы прошли по Немиге и на первом перекрестке повернули налево. Тут я подумал, что, вернее всего, эсер намерен показать

меня своим. А филеры, исполняя приказ Живинского, потянутся следом. Мне они были вовсе ни к чему. В молчании мы прошли два квартала до пересечения Преображенской и Богоявленской. Через дорогу за каменной стеной стояла церковь*. На угловом доме бросалась в глаза вывеска - "Гостиница Матчиз"** . Попутчик мой остановился, и глаза у него ожили.

---

* Церковь Преображенского монастыря находилась там, где сейчас стоит красное здание Прокуратуры БССР, рядом с кинотеатром "Победа". Здание церкви снесено в 70-е годы.

** Гостиница "Матчиз" занимала дом, в котором сейчас кафе "Отдых".

- Вот тут была большая стычка, - сказал он. - Мы загородили улицу, а оттуда, - он показал в сторону Захарьевской, - шли погромщики из "Минского православного братства" и "Украинного русского союза".

- Стреляли? - поинтересовался я.

- Троих поместили. Остальных словно ветром размело.

- Молодцы! - похвалил я, не понимая, однако, зачем он сообщает мне об акциях своей группы.

Скарга повел меня на Соборную площадь*. Нас обогнал один из моих филеров. Поднятый воротник пиджака извещал меня, что замечена эсеровская слежка. Я этого ожидал и остался спокоен. Мы пересекли Губернаторскую** и вдоль сквера, мимо окружного суда*** вышли к Святодуховской церкви****.

---

* Соборная площадь - ныне площадь Свободы.

** Губернаторская - ныне ул. Ленина.

*** Окружной суд занимал на площади здание, ныне известное как Дом профсоюзов.

**** Святодуховская церковь снесена в 30-е годы.

- Здесь Пулихов бросал бомбу в Курлова, - сказал Скарга.

- Ты знал его?

- В лицо. Он был в другой дружине.

Я вздохнул, выражая сочувствие трагической судьбе боевика. Он бросил бомбу, когда из церкви выносили покойника. Бомба попала губернатору Курлову в голову, но не разорвалась. Если бы она сработала, то и от Курлова и от покойника, и еще от десятка человек остались бы клочья, разбросанные взрывом по всей площади. Пулихов знал, на что шел. Жалости к нему я не испытывал.

- И девушка, дочь генерала Измаиловича, стреляла тут в полицмейстера, - сказал Скарга.

- Ее тоже повесили?

- На каторге, - объяснил Скарга. - Помиловали.

- Со всеми сочтемся, - сказал я, но, похоже, слова мои прозвучали двусмысленно - я заметил быстрый злой взгляд Скарги. Он, верно, подумал, что я издеваюсь. Он усмехнулся и припомнил из своих болезненных воспоминаний, адресуясь, наверно, к моей совести.

- Знаешь, как Курлов расстреливал нас на вокзале? Резали перекрестным огнем. С навесного моста, из окон и третья рота от дебаркадера. На митинг сошло тысяч пятнадцать, вся площадь была заполнена... Полтысячи положили. Кровь - и в ней люди.

Я промолчал, подумав, что иначе такую толпу не разогнать. Теперь пятнадцать тысяч не скоро соберутся вновь. А на этой Вокзальной площади, может, никогда не соберутся. Всяк хочет жить, хотя знает, что умрет.

Обогнув Купеческий клуб, мы вновь спустились на Нижний Рынок. Вероятно, Скарга ожидал здесь от своих боевиков сообщения о филерской слежке. Некий знак, похоже, был ему подан, поскольку он внезапно безо всякого видимого повода повеселел. Оживившись, Скарга предложил зайти в трактир: оказывается, он и крошки не успел перехватить. Я признался, что завтракал, но согласился и пообедать. Я допустил также, что беглый эсер приглашает меня в трактир, чтобы, усадив за стол, уйти через кухонную дверь и затеряться в здешних трущобах. Но и при таком исходе я не собирался кидаться в погоню. Из сведений Живинского, услышанных мною в "Гарни", вытекало, что у боевика назначена на вечер встреча с товарищами. Агент знал и место встречи, но принесет ли Скарга деньги с собой или отправится за ними после встречи, он не знал. За синагогой на углу Немиги и Раковской помещался трактир некоего Клейновича. Мы заняли столик вблизи дверей. В дальнем от нас углу играли скрипка и гармонь. Иногда скрипач протискивался меж столами, пьяные подавали ему мелочь, монеты он сыпал в карман, в глазах его тлели неизбывная тоска и презрение к публике, но играл он неплохо.

- Не боишься, что тебя узнают? - спросил я.

Скарга улыбнулся.

- Нет, Клим. Год назад я был молод, глуп, румян. А сейчас под глазами морщины, я состарился на пятнадцать лет. Вдобавок в полночь, надеюсь, мы уезжаем. Если кто узнает и донесет - что с того?

- Логично, - признал я.

Вошел местный филер в кепке с пуговкой. Он лениво обвел взглядом зал, словно отыскивая достойное себя место, увидел нас, прошелся в сторону музыкантов, удостоверил театральной гримасой, что такой притон ему неприятен, и удалился. "Осел! - подумал я. - Одного такого осла достаточно, чтобы сорвать любое дело". Нам принесли борщ и ребра с гречкой. Скарга расплатился. Ел он быстро и красиво. Это мне понравилось.

- В тюрьме страшно? - спросил я.

Скарга внимательно поглядел мне в глаза, стараясь угадать смысл вопроса, и, решив, что вопрос пустой, задан без цели, сказал:

- Не по себе. Но многие умирают и спят вечным сном в безвестных могилах. Может, выпьем? - предложил он. - Товарища моего помянем, которого ты утром видел.

Я отказался, сказав, что вообще не пью.

- Он мне жизнь спас в Маньчжурии, - говорил Скарга, - вынес на себе после неудачной атаки...

- Ты воевал там? - заинтересовался я. - Я тоже отползал год по сопкам в пластунской роте.

Мои слова его задели, на мгновение он потеплел, но сразу же каким-то трезвым рассуждением погасил в себе чувство войскового товарищества, и воспоминания о войне не состоялось.

Покинув трактир, мы пошатались по пустующему рынку, сходили к мечети* и Татарской улицей, а потом стежкой вдоль Свислочи пришли на Замчище**. За рекой, как объявил мне Скарга, теснились дома Троицкого предместья, за ним, на горке, поднимался корпус бывшего униатского монастыря, взятый под больницу. По мосту двигалась толпа, перестукивали на стыках колеса конки. На соборе, две стройные звонницы которого высились над пирамидой жилых построек, занявших спуск к реке, ударил колокол. Мы перешли Немигу и по Монастырской*** стали подниматься к собору. Меня укололо неприятное ощущение, что я расслабился, а мой противник собран. Едва ли я в качестве курьера могу быть доволен событиями. Не для того послали меня в Минск, чтобы я таскался по трактирам и закоулкам. Я решил высказать свое настроение.

---

* Мечеть находилась там, где сейчас вход в гостиницу "Юбилейная" на проспекте Машерова. Здание мечети снесено в 60-е годы.

** На древнем минском Замчище построена станция метро "Немига".

*** Монастырская - ныне ул. Бакунина.

- Слушай, Скарга, - сказал я. - Все-таки бродить с тобой по улицам, где тебя помнит каждый дом, - до добра не доходишься. Хорошо бы найти гостиницу подешевле. Тебе не хочется отдохнуть?

- Не помешает, - согласился он.

На Губернаторской мы зашли в отель "Москва". Скарга подал паспорт. Он ничем не рисковал. Паспорт был настоящий, украденный у тюремного доктора, только неприметная фамилия доктора Коваленков была переделана в известную, писательскую - Короленко, да вместо фотокарточки доктора был наклеен недавний снимок Скарги - плод нашего усердия, поскольку паспорт на переделку брал хозяин явки. Данные паспорта портье вписал в учетную книгу, и Скарга получил ключ от комнаты на втором этаже. Мне дали номер рядом. Мы поднялись по лестнице и разошлись. На прощание Скарга предупредил: "Я за тобой зайду".

Номер был маленький; видимо, большую комнату разгородили щитовой стенкой; громоздкие кровать, шкаф, стол, рукомойник не оставляли свободного места, потолок давным-давно пожелтел, обои выцвели в прошлом веке. У меня возникло подозрение, что ночью здесь хозяйничают клопы. Повесив на спинку стула пиджак, я разулся и прилег на кровать. Матрац требовал перетяжки, пружины застонали и захрипели, словно я придавил живого старика.

За стенкой слышались такие же стоны. Вот, подумалось, лежат на кровати два человека и думают, как обловчить друг друга. Ведь не может сейчас беглый эсер бездумно радоваться, что отдыхают ноги. Нет, он думает, обязан напряженно думать о своих действиях, обо мне, о нашей тактике. Например, о таком реальном варианте: жандармский ротмистр Живинский предполагает, что Скарга раскрыл "Клима". Понятно, что раскрыл, ведь переоделся, а зачем было менять внешность, если никто кроме меня не знал, во что одет прибывший в Минск поездом беглец. Выходит, переоделся, чтобы затруднить опознание по приметам, которые знали смоленские филеры и которые мог дать минской слежке я. От меня утром оторвался и сменил одежду. Неизвестно, что делал несколько часов. Хотя это ему кажется, что нам неизвестно, а ротмистру известно от агента, что объект посетил фотосалон, где пробыл длительное время. Потом его приметили на Захарьевской - он садился в пролетку. Следовать за ним не представилось возможности, но позже отысканный по номеру возница сообщил, что седок с саквояжем сошел в Слободке. Кого посетил или хотел посетить - тут пока что загадка. Потом филер заметил его возле Александровского сквера - объект направлялся в дом номер четыре напротив театра. В доме он пробыл восемь минут. Потом эсер вошел в кафе и здесь вновь исчез. Кого-нибудь встретил? Неизвестно, где провел следующие сорок минут, но в три ровно пришел на встречу и полтора часа таскал меня по минским улицам, дал окружить себя филерами и забрался в гостиницу, где в любую минуту может быть схвачен, а при сопротивлении - убит.

Логика странная: никакой пользы в такой логике не прослеживается. А большой риск требует расчета. Он возвращает экспроприированные средства краевой организации П.С.-Р. Вне сомнений, ему понятно, что жандармская служба ждет, когда отяжелеет саквояж. Тогда я подаю знак, и агенты повисают у Скарги на руках. Эту радость эсер пообещал нам на вечер. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять его простую хитрость: дождаться сумерек и в темноте оставить нас с носом. Но чем мы гарантированы, что боевик не исчезнет раньше? Слежкой? Нет такой слежки, от которой нельзя уйти. Вот прямо сейчас поднимется и уйдет. Это у него получается хорошо. Задержать его, конечно, можно и здесь, и в трактире могли задержать. Но что толку, если неизвестно, где деньги. Поэтому он вроде бы и свободен, и как бы не узнан, хотя скорее всего знает про эскорт из филеров. Живинский считает надежной гарантией сообщение агента о вечерней сходке. Возможно, он прав, если агент близок к кругам Скарги. Но и сам Скарга обязан дивиться, что его не берут. Как легальный гуляет по городу, поселился в гостинице, и никто не стучит в дверь, не орет: "Скарга, сдавайся!" Да уж один этот несчастный Пан, убитый, как установил полицейский врач, выстрелом в висок около шести утра, перед выходом на работу, уже один вид этой бедной жертвы должен был принудить Скаргу к лисьей осторожности. Трудно понять этого беглого. Может, он и вовсе не думает, плывет на волне удачи. Ведь удачлив - этого не отнять, один побег из харьковской тюрьмы чего стоит...

За стеной слышались стоны пружин и шаги. Я понял, что эсер подошел к окну. Достаточно густая толпа двигалась по узкому тротуару. В таком множестве лиц Скарга филеров не отыщет. Но я одного разглядел - он весело болтал с дамой. Возможно, что и дама была нашим агентом. Но возможно, что в этой толпе бродят дружки эсера, "товарищи по партии", как они любят себя называть. И эти "товарищи" подают ему какой-то знак. Или он им. Например, закуривает папироску

перед открытым окном, что может означать: "Ждите вечером". Или наоборот: "Не ждите вечером". Или - "Смывайтесь!". Или вот человек сдвинул шляпу на правое ухо. А стоит он как раз напротив окна Скарги. Такая жизнь, кругом безответные загадки. Господи, нормальному человеку трудно представить, из какого множества глупостей складывается революционная деятельность и борьба против нее.

Справа мне открылась часть Соборной площади со звонницами иезуитского костела* и башней ратуши, у двухэтажного губернаторского дома** прохаживались городовые. Полтора года назад из высоких дверей этого бывшего иезуитского коллегиума должны были вынести вперед ногами губернатора Курлова. Во всяком случае, так мечталось боевикам. Но Курлов жив, взят в Петербург, назначен шефом нашего корпуса, а эсер Пулихов лежит в земле. И проку от его акции никому и никакого. Наивные люди, подумал я, очарованные мечтой слепцы. Я испытывал к ним искреннюю жалость. Да знали бы они, что десятки чиновников и офицеров глубоко признательны им за убийство какого-нибудь губернатора или полкового командира, пристава или обычного городского. Сразу открывается вакансия, рывком идет карьера. За каждым креслом и местом давно выстроилась череда претендентов. Вслух они гнусное политическое убийство, разумеется, осудят и потребуют строжайших мер наказания, но в душе, но дома перед киотом помолятся за простачка-боевика, ценою собственной жизни подтолкнувшего их наверх. Вряд ли попал бы Курлов в шефы, не метни Пулихов в него самодельную бомбу. Повезло - не взорвалась, но все равно Курлов - как бы жертва террора. Да хоть бы в один день все министры и генерал-губернаторы пали от эсеровских пуль, на завтра сидели бы в опустевших креслах новые. Ну, кто-то погиб - личное невезение. Царей убивали - и ничего не изменилось. Цезаря закололи кинжалом. Убитый заменяется живым, а государство остается, его никто не развалит. Нет таких пуль. Все в его паутине запутаны - и те, кто против нынешней власти, и те, кто за нее. Господи, христианство сделали государственным, попы, как чиновники, утруждают, полицмейстер все тайны исповедей ранее бога узнает... Так что же говорить о политических партиях, которые откровенно претендуют на власть? Но если власть, то как быть с "братством, равенством, свободой"? Власть - изначально неравенство. Взяли власть, сели в кресла, начали командовать, принуждать "освобожденный народ" к спокойствию и работе. Любопытно, как эсеры с эсдеками собираются этот узел развязать? Все - братья, но одни командуют, другие пашут...

---

* Здание костела в конце 40-х годов реконструировано под спортивные залы "Спартака".

** Бывший губернаторский дом на площади Свободы - памятник архитектуры начала XVIII столетия. Здание было занято под губернаторские кабинеты после присоединения Белоруссии к России. В наше время, в 60-е годы, обезображено реконструкцией.

В соседнем номере стукнул клапан рукомоиника и заплескала вода. Скоро Скарга вышел из комнаты. Мне хотелось пойти за ним, но я не решился. Откроешь дверь - а он стоит напротив тебя, усмехается: мол, не тревожься, не убежал. И мало ли куда он мог выйти. По надобности - тоже причина. Нет, подумал я, надо держаться принятой роли. Сказал Скарга, что зайдет, - лежи и жди. А унесет ноги - это Живинского беда, он держит козырный туз - донесения агента. Я вновь лег на кровать и постарался думать о сыне, чтобы не ломать голову над независимыми от моей воли поступками беглого эсера.

Он вернулся через четверть часа. И не один. Я обратился в слух. Проклятые пружины не позволяли мне вскочить и прижаться ухом к стене. Потом Скарга сказал своему посетителю длинную фразу громко. Я различил лишь три слова: "...десять минут... тихо..." У них стукнула дверь, и тут же ко мне вошел Скарга. Свой коричневый пиджак, сложенный подкладкой наверх, он держал на согнутой руке.

- Что, идем? - спросил я, приподнимаясь.

- Лежи, лежи, - успокоительно ответил он, скинул пиджак на стол, и на меня уставилось дуло никелированного пистолета. Я знал из дела, что этот пистолет отнят у доктора вместе с паспортом, часами, костюмом, шляпой и саквояжем, что в обойме восемь патронов и ни один из них вроде бы еще не израсходован.

- Ты что! - только и нашелся я возразить. В голосе своем я расслышал предательскую хрипотцу страха.

- Хватит врать, - сказал Скарга. - Там у меня привязан к стулу филер. Тот, в кепочке, что проверял нас в трактире...

"Осел! - подумал я с ненавистью. - Ведь чувствовал, что этот осел все погубит".

- Он кое-что мне поведал, - продолжал боевик, - не будем зря тратить время. Тем более, что я и сам не слепой.

- Ну, и что ты хочешь узнать от меня? - спросил я, стараясь собрать волю. Черная дырочка в никелированном стволе меня заворожила.

- Почему меня не берут? Твое задание? Когда намерены брать?

- Насколько знаю, Скарга, - ответил я, стараясь уйти от предательства, - тебя после ареста пытали, но ты ничего не выдал. Почему же ты хочешь меня сделать подлецом?

- Пытать тебя у меня времени нет, - сказал он ледяным тоном. - И я не умею. Я просто вгоню тебе пулю в лоб. И ты понимаешь, что другого выхода у меня не будет.

Ничего я не понимал, хотя и понимал, что все, что вижу и слышу, - реальность. Спина моя налилась чугунной тяжестью, мне хотелось закрыть глаза и заснуть. Память воскресила картину, как я полз с тремя пластунами по сопке к японскому окопу за "языком" и падал с ножом на скованного ужасом японца; потом мне вспомнилось, как я отбивался саблей от штыка, и еще увидел себя впереди своей роты с зажженной папиросой в руке - я вел роту в атаку и курил на ходу с тою же медлительностью, как курят в салоне. Но теперь я боялся, по телу растекался страх и гасил мою волю. Этот беглый эсер не запугивал меня, он не блефовал, бесстрастное окаменевшее лицо говорило, что этот человек сдержит слово. Боевик предлагал выбор, и я подчинился.

- Ну что ж, - сказал я, - проигрыши приходится отдавать. - Кровь стучала у меня в висках, я лихорадочно обдумывал приемлемую меру признания. - Моя задача ограничивалась курьерскими обязанностями - взять деньги. Если дадут. По этой причине тебя не хватали. Но когда и как возьмут - я не знаю. Это дело местного управления...

Такой ответ, хоть и правдивый, не мог удовлетворить боевика; все это он знал или понимал. Я чувствовал, как нарастает его раздражение и формируется жесткая решимость объявить

приговор. Рассказывать все под страхом смерти было противно моему достоинству, но молча ждать выстрела было мне тоже не по силам: панически, как мышь, я отыскивал спасительную лазейку. Если бы я сам не ломал волю людям, не требовал предательства в обмен на жизнь или свободу, то, наверно, продолжал бы твердить о своей неосведомленности, подвигая конфликт к трагической для себя развязке. Но я знал состояние ума при таком допросе. Каждое мое слово Скарга взвешивал на весах правды, соотносил с множеством обстоятельств, с прошлым, с неизвестной мне информацией. Скарга ожидал какой-нибудь следственной тайны, которая помогла бы ему увидеть невидимое и разглашение которой было служебным преступлением.

- Мне известно другое, - сказал я, испытывая радость смертника, обнадеженного отменой приговора. - Вы считаете нас подлецами. Ты убежден, что твой товарищ Пан застрелился. Сам себя. Так вот, - я помедлил, видя, что попадаю в цель, - он убит сегодня утром. Но наши люди к этому непричастны. Это точно, Скарга. Убит! - повторил я, читая в его глазах растерянность и недоверие. - Наши убеждены, что Пан стал жертвой ваших внутренних распри. И еще, Скарга, - соблазны жизни туманили мой мозг, мне хотелось спасения, я доказывал свою искренность. - Год назад тебя взяли с прокламациями. Так знай: тебя взяли по доносу. Кто-то сообщил телефонным звонком, что вечером, около восьми часов, человек по фамилии Булевич принесет в депо листовки...

Я увидел, что мои слова попали в больную точку. Вонзились в нее, как нож. Эта неожиданная для него новость была полностью правдивой; о существовании таинственного доносчика я узнал еще в Смоленске, когда меня знакомили с делом Скарги, с обстоятельствами ареста и побега... Я попал в десятку, боевик потерял ко мне интерес; я ощущал, что мысли его вихлятся вокруг фигуры доносчика. Следовало закрепить нечаянную победу, и я сказал:

- Можешь выпустить в меня всю обойму, но больше мне сказать тебе нечего. И все же, хотя ты и чувствуешь сейчас себя победителем, даю тебе честный совет: бери извозчика - и гони подальше от Минска. Ты везучий, может, тебе и посчастливится...

- Лучше бы ты помолился, - ответил Скарга, - потому что и тебе сейчас повезло.

Он взял пиджак, ключ, вышел из номера, ключ дважды провернулся в замке, а я несколько минут не мог подняться, обессиленный пережитым. Мысли мои были ничтожны. Я думал, что каждого человека можно сломать, потому что он кого-то любит, и перед теми, кого он любит, на нем лежит большая ответственность, чем служебный долг. Хозяин смоленской явки любил дочь и стал служить нам, чтобы ее не трогали; мне жаль оставить сиротой сына; Живинский, возможно, знает за своим агентом какую-то слабость, которая позволяет требовать от него доносов. Сломанный делает что прикажут и молчит. Самая надежная гарантия молчания - смерть. Вот убили утром некоего человека с партийной кличкой Пан. Почему именно сегодня, в день приезда Скарги? Кто-то боялся их встречи. Возможно, этот Пан что-то особенное знал, подозревал о чем-то таком, что не должен был узнать Скарга. Но кто мог разведать о возвращении Скарги в город? Все хитрят, все друг другу опасны. Меня заняло размышление, насколько окажутся полезными для боевика вырванные из меня сведения. В целом, успокаивал я себя, большой пользы он не извлечет. О самом важном - внутреннем агенте, вечерней сходке - я умолчал. Таким образом, господин эсер, остается возможность новой встречи. Но мое признание о доносчике, об умышленном убийстве Пана по мотивам внутривнутрипартийной распри могло натолкнуть беглого боевика на разгадку нашего агента, вернее, агента Живинского. А это означало безусловный провал операции. И если, не дай бог, Скаргу схватят и он изложит нашу беседу на допросе, а в таком удовольствии он едва ли себе откажет, то перевод в Москву не состоится, а состоится мое позорное увольнение со всеми вытекающими из этого следствиями...

Я поднял и отворил окно. Высунувшись, я нетерпеливо отыскивал в толпе филеров. Ни одного не оказалось. "Кретины! - понял я. - Верно, Скарга повел их за собой и сейчас надует". Так и случилось. Через несколько минут два филера примчались к подъезду, как побитые псы. Может быть, они думали, что я убит. "Эй! - окликнул я одного. - Возьми у портье запасной ключ и открой меня. Четвертый номер".

Спустя минуту я стал свободен, и мы вошли в комнату Скарги. Дурак, который носил кепочку с пуговкой, сидел на венском стуле, руки его были привязаны к спинке разорванным в длину полотенцем. Человечек этот казался мне отвратителен, поскольку мог слышать мои откровения беглому боевику. Я отослал филеров в свой номер и остался наедине с неудачником. Он угнетенно молчал, я не спешил с вопросами, прислушиваясь к разговору за стеной. Говорили филеры довольно громко и заливисто смеялись (весело, подумал я, когда попадается другой), но разобрать их реплики я не мог, хотя отдельные слова доходили отчетливо.

- Что он сказал тебе, уходя? - спросил я, желая определить степень звукоизоляции стенки.

Филер виновато повторил: "Вернусь через десять минут. Буду в соседнем номере. Сиди тихо". Я испытал облегчение; расслышать вопросы эсера и мои ответы филер, привязанный к стулу, никак не мог. Мое отношение к нему потеплело.

- Ладно, брат, не расстраивайся, - сказал я ободряюще. - Расскажи-ка лучше, как он тебя прихватил.

- Я стоял во дворе у дровяного сарая, - голос филера был виновато-мягким, таким голосом просят о прощении гимназисты, когда директорская рука хватает их за ухо. - Там проход, которым можно уйти. Вдруг из черного хода вышел объект и направился ко мне. Указаний на задержание мне не давали. Я достал папироску и спросил: "Огонек есть?" Он улыбнулся: "Есть!" Сунул руку в карман и ткнул мне в живот пистолетом. "Жить хочешь?" - спросил объект. У меня внутри все заглодело...

Его переживания меня не интересовали, и я продолжал допрос.

- О чем он спрашивал?

- Сколько агентов на улице. Я сказал - двое.

- Молодец!

- Потом спросил, кому докладываем. Забрал у меня "бульдог", - филер показал на кровать. Я увидел на подушке короткоствольный наган.

- Обо мне спрашивал?

- Да. Спросил: "Кто он?"

- Что ты ответил?

- Ответил, что не знаю.

Тут он явно солгал; ответил он Скарге правду, то малое, что знал: да, наш. Но оспаривать его ложь мне не хотелось.

- Правильно, - похвалил я.

- Еще он спросил, кто и когда давал приметы по одежде. Я сказал, ротмистр Живинский дважды, утром и днем.

- Он уточнял, когда днем?

- Да, точно так и спросил. Я сказал "около двух".

- Все?

- Все. Потом привел меня сюда. Сбежать не выходило, он вел меня, приставив пистолет к хребту. Сволочь!

- Ну уж, сволочь, - возразил я. - Что тебе полагается за потерю оружия? А он сжалился, оставил. И вообще мог щелкнуть рукоятку в лоб!.. Нет, он не сволочь, он просто наивный беглый эсер... А "бульдог" твой пока останется у меня, - я спрятал оружие в карман. - Скажешь, что ротмистр попросил.

Я вернулся в свой номер, отослал филеров в управление, умылся и постарался трезво обдумать свою роль в новой ситуации. Но обычное хладнокровие не возвращалось. Вся моя ненависть нацелилась на беглого боевика. Я чувствовал, что если он уйдет, то мне не будет покоя. Всегда будет всплывать в памяти этот день, холодный взгляд Скарги, дуло пистолета, мой послушный язык, бесформенная душа, униженная честь, поставленная под угрозу карьера. Он заставил меня пережить животный страх, запомнил мои слова, и поэтому на мне лежала обязанность с ним расквитаться. Я решил застрелить Скаргу.

3. СКАРГА

Скарга выбросил ключи в урну, вышел на улицу и направился в сторону Соборной площади. Как он и ожидал, двое филеров, дежуривших у подъезда, потянулись следом. Скарга решил избавиться от них в костеле, используя незатейливый, но надежный прием. Этот прием они придумали с Антоном. Партиец, за которым идет слежка, вправе рассматривать костел как архитектурное сооружение, предназначенное для отрыва от полицейских агентов. Такое качество костелу придают несколько дверей: главная, через которуюходишь внутрь вместе с верующими, и дверь сакристии, из которой выходит к алтарю ксендз. В сакристии есть дверь на улицу. Обе они во время службы открыты. Внешняя дверь сакристии выходит в маленький дворик, из дворика можно выйти на Койдановскую* улицу, подворотня на противоположной стороне позволяет затеряться в хаосе из флигельков, сараев, будок и выгребных ям, занявших откос между Койдановской и Немигой. Но у костела толпился народ, а при большом скоплении верующих рывок через алтарь может привести к неудаче. Скарга решил изменить маршрут. К тому же смоленский жандарм уже вполне мог воспрянуть духом, распорядиться через окно, и тогда тихое филерское наблюдение сменится открытой погоней. Он вошел в гостиницу "Европа", нырнул под лестницу, которая прикрывала черный ход и оказался во дворе. Минут через пять тылами доминиканского костела Скарга вышел на Крещенскую и за старинной усадьбой Ваньковичей в Музыкальный переулок. Тут

шла обычная дворовая жизнь: женщины стирали белье у колонки, в огороде копался старик, несколько мальчишек дрессировали дворняжку. Скарга устроился в беседке возле дома масонов и закурил. За деревянным особняком Ваньковича стоял кирпичный дом, где помещалась публичная библиотека. Три месяца назад, ночью, в подвальном хранилище библиотеки полиция арестовала эсеров Фаню Гуревич и Мишу Левина. Они печатали на гектографе воззвание. Работа типографии всегда окружена строжайшей тайной. Адрес типографии известен узкому кругу надежных людей. Тем не менее в ночь на второе мая полиция произвела налет. Он в это время был в тюрьме. Тоже за листовки. За месяц до его ареста полиция разгромила типографию на Переспе**. Там в стычке с филерами погиб Адам. Угроза предательства не висит только над одиночкой. В широкой организации неизбежно появляются случайные люди. Партийная дисциплина соединяет сознательных и случайных революционеров в единое целое. Надежные попадают в зависимость от слабых, неосторожных, неумных или склонных к подлости в тяжелую минуту. Наверное, это неизбежный порок любой нелегальной организации. На Христа всегда найдется Иуда, а он входил в группу из двенадцати человек. Иуда названный - живой труп среди людей. Иуда неназванный, нераскрытый остается среди верных, поставляя жертвы для кесаревых крестов. Пугачева повязали его соратники, Булавина зарубили друзья по восстанию, Калиновского выдал минский связник. Иуда предал ради денег. Другие искали помилования у царей. Возможно, Иуда сообразил, что апостольское дело не по его силам, а признаться в этом перед Христом и друзьями не позволяло честолюбие. Развал группы путем выдачи старшего легионерам Пилата освобождал его от обетов и опасной обязанности нести слово учителя в народ. Христос знал от Отца своего, что будет предан. Смоленский жандарм, похоже, тоже предупреждал его, что он, Скарга, был предан и может столкнуться со вторым предательством. Но вспышка искренности в минуту страха не осветила фигуру информатора. Что-то смолянин скрыл или немного ведал. Его сообщение вынуждало не верить своим. Не верить Святому, который днем стоял у трактира, выставив в нагрудном кармане, как газыри, четыре папироски - знак, что вокруг ходят четыре филера. Не верить Белому, Антону, пану Винцесю. Каждого из них мог держать на заметке ротмистр Живинский. Придешь к Белому, а возле дома - засада. Как было прошлой осенью у депо. Филеры тоже стараются доказать начальству, что у них зоркое зрение и чуткий слух: ежемесячное жалованье требует ежемесячного улова. Есть дворники, которые помогают филерам. Есть патриоты, которым нравится безответственность вечного рабства. Есть обыватели, наделенные тайной страстью уведомлять пристава о подозрительных гостях и занятиях своего соседа. Достаточно малой неосторожности - и ты под присмотром, и арест - дело времени. Фаню Гуревич могла выдать полоска света в плохо занавешенном окне. Спокойно живут лишь терпеливые конформисты.

---

* Койдановская - ныне ул. Революционная.

** Переспа - название старинной минской слободы, находившейся за Сторожевкой на речке Переспа, которая впадала в Свислочь (у нынешнего Комсомольского озера). Легенда говорит, что на Переспе жил основатель города великан Менеск.

Скарга вспомнил первый минский митинг. Он уже учился в университете и приехал в Минск на недельный отпуск по письму матери. Был март девятисотого года. В воскресенье к нему зашел гимназический приятель и пригласил на сходку, где будет выступать Бабушка. Кто такая Бабушка, Скарга не знал. Они пешком отправились на Сторожевское кладбище*. За церковью, на подсохшем уже пригорке собралось три сотни минчан. Солнце стояло в зените, небо казалось ярко-голубым,

мягкий ветерок приносил от пекарни запах свежего хлеба. Бабушкой называли известную народоволку Брежковскую, отбывшую двадцатилетнюю каторгу в Сибири. У нее были серые лучистые глаза, в голосе звучала энергия неукротенной натуры, а слова о падении тиранов, народовласти и грядущем равенстве хмелили тесно сбившуюся толпу. Чужие минуту назад, люди роднились радостью свободы. На голых кладбищенских кленах обновляли свои гнездовья вороны; их карканье мешало слушать Бабушку, но чья-то восторженная гипербола - "Они кричат нам "Ура!" - придала символический смысл и свежести неба, и слабому солнечному теплу, и суете ворон, и земле, освободившейся из-под снега. Триста человек тоже прокричали "Ура!". Все лица просветлились чувством братского единения. Молодой мужчина, в котором Скарга узнал аптекаря Гершуни, объявил о создании в Минске "Рабочей партии политического освобождения России". По щекам Бабушки покатались счастливые слезы. Житейская разобщенность судеб забылась, толпа волей порыва превратилась в партийную когорту, неизведанные опасности борьбы завораживали тайной революционного жертвования, и смертный час двуглавого орла стал неотвратим... Через несколько дней начались аресты. Бабушка уехала пробуждать другую провинцию, Гершуни пришлось скрыться... После неудачи восстания, на фоне виселиц, могил, присыпанных песком луж крови осмысленная единственность каждой жизни дала вспышку обывательского отречения. Половина участников того первого эсеровского митинга сидит по тюрьмам, но кто-то стал штатным филером, кто-то другой - тайным агентом. Скарга решил, что ночевать пойдет к старику, и сразу определился порядок обязательных вечерних дел. Выполнить их все до свидания с Антоном уже не хватало времени.

---

* В 70-е годы кладбище реконструировано под сквер.

Он вышел на Маломонастырскую*. Улица спускалась к реке. Там, в каменных домах на Набережной** тихий человек с воинственной фамилией Бомбардир держал скупочную одежду лавку. Однажды Скарга защитил старика от двух громил. Сын Бомбардира был боевиком бундовцев, он считал себя должником Скарги. Можно было попросить его о помощи, но нагружать малознакомого человека рискованными поручениями Скарга посовестился. Свои дела он сделает сам или вместе со своими. Разгадать загадку смерти Володи Панкевича обязана организация. Нет большего зла, чем предатель. У Пана хранились основные документы боевой дружины. Убить его мог тот, чья партийная кличка поставлена под решениями об экспроприациях и терактах. Такие бумаги - бесценный клад для полиции и вечная опасность каторжной тюрьмы для боевика, даже для отречшегося. Если смоленский жандарм сознательно не наврал, то Пан погиб из-за его, Скарги, неожиданного возвращения в Минск. День приезда был известен только службе Живинского. Телеграфные депеши из Смоленска обгоняли ветер, минская полиция получила время для подготовки. Ротмистр потребовал от своего агента адреса квартир, где беглый будет искать убежище. Похоже на правду, думал Скарга, Володю убили они, чтобы создалась хаотическая ситуация. Возможно, убийство планировали приписать ему. Если бы он бросил так называемого Клима на вокзале и вошел в дом один. Неспроста там таскался некий стекольщик. Засада могла прятаться в соседнем доме. Отнести криминальное убийство на счет боевика - иезуитский ход ротмистра. Вошел - а следом полиция, понятые, свидетели, торжествующий Живинский. И - после короткого суда - виселица. Или расстрел, что проще, поскольку не требуется палач. Или вечная каторга при условии выдачи денег и чистосердечного предательства. Но адрес Володи дал полиции хорошо осведомленный информатор...

---

* Маломонастырская - ныне улица Герцена.

** Торгово-Набережная занимала берег Свислочи между нынешней площадью 8 Марта и улицей Янки Купалы. Постройки снесены в 60-е годы.

Из лавки старого Бомбардира Скарга вышел в офицерском кителе и полевой фуражке. Фуражка была великовата, китель - тесен. До неузнаваемости он не изменился, но филерское опознание этот наряд затруднял. Спускались сумерки. Неторопливая толпа легальных земляков вынесла Скаргу на Романовскую*. Он увидел Пищаловский тюремный замок, и чувство одиночества отрезало его от спокойного мира и мирных людей. Они - жили, он - шел на теракт. Он поднялся на холм. В двухэтажном тюремном замке были одни ворота и одна дверь в караулку. Через эти ворота его и Ольгу доставила на тюремный двор полицейская карета. Они вышли, его повели в пыточную. Появились Новак и Острович. Если Новак сегодня дежурит, думал Скарга, то после ужина, сдав камеры, он выйдет на улицу из караульной. Другого пути у него нет. Был среди надзирателей еще один отъявленный садист по фамилии Будкевич. В мае его убили матросы-дисциплинарцы. А сегодня Скарга казнят Новака. Или Островича. Или обоих, если ему повезет. Много эсеров, белорусских возрожденцев, эсдеков и бундовцев горюет за этими воротами свое арестантское горе. Завтра к ним придет новый надзиратель, они узнают, что прежний казнен, и, может быть, это укрепит их волю. Тяжело политическому терпеть муку тюрьмы; душа его лелеет детскую мечту стать птицей - не соколом, не соловьем, не буревестником над штормовым морем, но простой неуклюжей вороной. Ее свободный полет зрит из камеры его завистливое око, ее хриплый крик передает ему приветы от родных, в крике слышится сострадание матери и сочувствие друга, и тоскливо становится на сердце, когда стая ворон пролетает мимо тюремных окон в немом молчании.

---

* Романовская - ныне улица Республиканская.

Прошло не менее получаса, когда, наконец, двери открылись и чередой пошли надзиратели. Некоторых Скарга помнил. Новак вышел шестым, попрощался с коллегами и зашагал вниз по Серпуховской*. За пожарной частью он повернул на Койдановскую и тут же исчез в подворотне третьего дома. Скарга побежал. Из подворотни ему открылся небольшой дворик, закрытый двухэтажным, на два подъезда, аккуратным кирпичным домом. К нему примыкал неказистый флигелек с полуподвальным входом. Двери этого флигелька Новак отмыкал ключом. Пospешив, Скарга вошел в жилье надзирателя сразу за хозяином. Тот лишь успел снять фуражку и войти в комнату. "Кто?" - спросил Новак, слыша шаги. Комната была темной, небольшое окно едва освещало ее, но лицо надзирателя Скарга различал ясно. Скарга вынул пистолет. "Вспомни ноябрь, - сказал он. - Вспомни девушку". По глазам Новака Скарга прочел, что тот вспомнил. "Ее именем!" - сказал Скарга, поднял пистолет и выстрелил Новаку в сердце.

---

* Серпуховская - ныне улица Урицкого.

На улице он достал часы, но руки дрожали, он не мог открыть крышку. Тогда он посмотрел на закатное солнце, подумал, что справится, и торопливо зашагал в сторону Трубной. На углу он долго и жадно пил из колонки. Где-то неподалеку в полисаднике играл граммофон. Скарга узнал марш "Царица бала". Этот марш нравился Вите. Они гуляли в городском саду, военный оркестр играл вальсы, был воскресный день. Этот день, окрашенный счастьем, всплыл в памяти, но сердце не откликнулось ни радостью, ни болью. Образ Вити подержался перед глазами недолго: бесчувствие отстранило его, и он пропал. Скаргу захватила конкретность минуты. Он отметил тишину Тюремного переулка, запахи дыма и садов, смытую дождями на лопухи побелку заборов, свои тяжелые шаги по тропинке и мерное горячее биение крови в висках, отмечавшей каждое прожитое мгновение.

Острович подбивал обручи на разохшейся бочке. Он стоял возле высокого крыльца спиной к улице. От калитки вела к дому дорожка, обсаженная с одной стороны белыми астрами. Скарга шел по ней, опустив руку в карман; рукоять пистолета холодила ему ладонь. Надзиратель оглянулся. Старая рубаха, латанные штаны, деревянный молоток в руке придавали ему сходство с мастеровым. Возможно, он и был мастеровым до службы в тюрьме. "Вам кого?" - спросил он довольно приветливо. "Тебя!" - тихо ответил Скарга и приблизился. "Вспомни прошлую осень, ночь в тюрьме, девушку, которую ты насиловал и бил!" Он достал пистолет и держал его у бедра. "Вспомнил?" Надзиратель был готовым мертвецом. Скарга знал, что казнит его. Он хотел сказать "Ее именем!", но вдруг из-за дома появилась девочка лет десяти, тоненькая с печальными голубыми глазками, босая. Она держала миску с огурцами. Скарга спрятал руку с пистолетом за спину. Почувствовав что-то грозное, что исходило от Скарги, девочка остановилась.

- Уходи, Ядя, уходи! - пробормотал Острович.

Девочка послушно поднялась по ступенькам, на пороге еще раз оглянулась на отца и пришельца - бледная, тихая, несчастная, как сирота. Она заискивающе улыбнулась, и Скарга почувствовал, что не сможет спустить курок. Но пистолет не спрятал.

- Сегодня казнили Новака, - сказал Скарга. - Ты тоже приговорен. Сейчас я пожалел твою дочь. Но если ты... хоть пальцем...

Острович послушно кивал головой. Маленькие его глаза разрывал отчаянный ужас. Ужас свиньи, подумал Скарга. Его мутило от гадливости. Надзиратель был полная дрянь: вчера топтал Скаргу, сегодня мог бы, если приказать, ударом ножа убить Живинского. Кого угодно - лишь бы пощадили. Вспомнив жандарма, Скарга резко спросил:

- Где живет Живинский?

Ответ последовал немедленно. Скарга не сомневался, что он правдив.

- В Захарьевском переулке*. Новый кирпичный дом.

---

* Захарьевский переулок - ныне улица Урицкого. Имеется в виду пешеходная часть улицы - от табачной лавки на Ленинском проспекте до улицы К.Маркса.

- Номер?

- Не знаю, - тяжело выговорил Острович, страхась выстрела за это незнание.

- Был у него?

- Да, дрова ему пилили.

- Нарисуй, - Скарга показал на землю.

Острович поспешно наклонился и щепочкой стал чертить план. "Вот Захарьевская, - угодливо пояснил он, - вот тут поворачиваем, идем... первый дом, второй, третий, а четвертый и есть новый, с полукруглыми окнами".

- Квартира?

- На втором этаже. Справа.

Девочка вновь вышла на крыльцо. Видимо, она решила не отходить от отца.

- Иди в дом, - сказал Скарга Островичу. - Не вылезай!

Надзиратель попятился и задом начал подниматься на крыльцо. Ноги не слушались его, сапоги цеплялись за ступени. Он еще не верил в свое спасение. Так, пятясь, он исчез в снях. Девочка осталась стоять на пороге.

- Прощай! - сказал Скарга.

Он вышел на Трубную и повернул в город. Мысли его не могли оторваться от тихой, слабенькой девочки, которая ничего не знает об отце, по закону природы считает его лучшим из людей, любит его, верна ему, и ни перед кем на белом свете невиновна. Появись эта девочка минутой позже, и на весь век в ее память врезались бы окровавленный труп отца, встреча с его убийцей, она кричала бы во снах, видя лицо осиротившего ее человека. Скарга говорил себе, что и Ольга кричала, и ее жизнь растоптана, и вообще нет весов, на которых взвешиваются страдания, уравниваются возмездие и вызвавшее его зло. Мера революционной справедливости вытекает из древнего морального императива: не делай другому того, чего не желаешь себе. Теория политического убийства справедлива, думал Скарга, у партии нет иных средств отпора полицейским репрессиям, партию старательно и безжалостно уничтожают. Но конкретная практика террора разрушает душу, и путь боевика - это путь к трагическому самоуничтожению. Боевик - однодневка, динамит, который, подрывая устои рабства, должен взрываться и исчезать. Лица убитых держатся в памяти, как в фотоальбоме, память страдает от этого груза, душа обугливается. В светлое будущее, за которое сражаются социалисты-революционеры, не может войти легион людей, сознательно исполнявших функцию потусторонней силы. Общество должно будет назвать их мучениками борьбы. Если нас, думал Скарга, назовут героями и дети станут слушать наши рассказы о терактах, трагизм вынужденной жестокости исчезнет, она превратится в традиционную и станет чертой характера. Поэтому в час победы всех активных боевиков социалистических партий придется собрать на край оврага и силами войсковых пулеметных команд расстрелять. Но лучше бы не дожидать до этого дня...

Идти по Захарьевской Скарга не решился и пошел задворками. Дом, в котором снимал квартиру Живинский, точно соответствовал описанию надзирателя. Скарге не понравилось, что

подъезд не имеет парадных дверей, но это неудобство исправлению не подлежало. Потом он обследовал все дыры в заборах, проходы в сараях, сквозные подъезды, которые выводили на Подгорную*. Определив маршрут отступления, он нашел тихую скамеечку и удовлетворенно, сладко закурил. Со скамеечки ему виделась часть торцевой стены, за которой могла быть спальня ротмистра, или кабинет, или гостиная, где под зеленым шелковым абажуром вечерние гости ротмистра играют в вист или благонадежно размышляют о событиях внешней политики. Скарга решил, что придет к Живинскому утром, часов около восьми: в утренних звонках никто не слышит опасности. Часов около восьми ротмистр будет собираться на службу. Это сейчас он скорее всего торчит в своем служебном кабинете на Петербургской, принимая малоприятные донесения филеров: "Исчез", "Не видно", "Не появлялся". А утром он обязательно должен побриться, наодеколониться, выпить кофе. И никаких гостей утром не бывает. Часов около восьми, когда ротмистр возьмет в руку бритву, он подъедет на Подгорную в пролетке, заплатит извозчику вперед за полчасовую стоянку и отправится в этот аккуратный, с полукруглыми фрамугами дом. И будут отомщены сорок шесть рабочих, арестованных в одну ночь, и Фаня Гуревич, и онемевшая Ольга, и Адам, и Володя Пан, застреленный из нагана, и у тайного осведомителя завтра застрянет на языке предательское сообщение. Ему вспомнилось, как Адам, он, Пан и Святой ночью экспроприировали на Серпуховской наборную кассу и станок. А через две недели полиция нашла типографию, и Адам, который ее охранял, погиб в перестрелке. Тогда они съездили в Игумен** и в дворянском клубе взяли печатную машинку, тяжелую как станковый пулемет. А девяносто две тысячи, которые кассир и два охранника везли с поезда в Государственный банк, Святой и он экспроприировали за минуту. Операцию разработал Антон, Пан раздобыл коляску, он и Святой стояли у женской гимназии. Когда показалась банковская пролетка, Пан перегородил улицу, они прыгнули с двух сторон на ступеньки пролетки, ткнули револьверы в животы охранников, Святой разоружил их, а он взял портфель из рук окаменевшего кассира... А спустя три дня его взяли с листовками; на беду при нем оказался наган. И Живинский, у которого в пятом году сожгли фамильный фольварок, излил на него свою ненависть к эсеровскому лозунгу "Земля - крестьянам!".

---

* Подгорная - ныне улица К.Маркса.

** Игумен - ныне город Червень Минской области.

Внезапно Скаргу кольнуло опасение, что Острович ему наврал или со страху напутал, и Живинский живет не в этом доме, а в соседнем. Четкость продуманного действия заколебалась, в неплохом вроде бы плане многое, да почти все, было домыслено, воображено. Скарга решил обсудить свой план с Антоном, но первую проверку ему хотелось провести сейчас. Войдя в подъезд, он рассудил, что самая надежная проверка - звонок в указанную квартиру. Если надзиратель назвал адрес правильно, то останется в силе утренний вариант, если Острович схитрил - возникнет новая ситуация, придется вернуться в Тюремный переулок. На левой двери висела бронзовая табличка с гравировкой. Фамилия жильца была короткой, в четыре или пять букв, Скарга ею не заинтересовался. Правая дверь удовлетворила его анонимностью. Он решительно крутанул ручку звонка. Минуту квартира не отзывалась, потом послышались шаги, но не мужские, а какие-то шаркающие. Звякнула цепочка, дверь приотворилась, и он увидел пожилую женщину в накрахмаленном чепчике, в белом фартуке поверх синего платья. "Кухарка", - решил он и задал свой главный вопрос.

- Господин Живинский дома? - спросил он в готовности принять любой из противоположных ответов: "Вы ошиблись квартирой" или "Его нет".

- Обедают, - ответила кухарка и устала на Скаргу в ожидании какой-нибудь деловой просьбы. Скарга почувствовал, как предательски вспотели руки. Но обратной дороги уже не было. Он решил:

- Передайте господину Живинскому, что к нему со срочным сообщением.

Кухарка не торопясь прошла в конец коридора и открыла остекленную дверь. Скарга услышал ее слова: "Просят вас". Знакомый голос ответил: "Хорошо, Вера. Скажи - сейчас". Тогда Скарга достал пистолет, заложил руку за спину и вступил в квартиру. Квартира была средняя, в четыре комнаты. На вешалке бросалась в глаза шинель с серебряными погонами. В этой шинели ротмистр прибыл в тюрьму вести допрос. Мелькнувшее воспоминание вернуло Скарге холодную ненависть, сердце перестало дрожать. Кухарка с пустым суповником прошла на кухню. Скарга остался в прихожей один. В столовой смеялись, он отметил два женских голоса. Вдруг, как сигнал, услышалось вежливо-формальное извинение ротмистра: "Простите, господа. Я быстро".

Да, надо быстро, подумал Скарга и, когда Живинский появился в прихожей, молча вскинул пистолет и нажал на курок. В столовой истерически закричали женщины. Живинский силился что-то спросить, в расширенных его глазах застывало недоумение. Скарга выстрелил еще раз и бросился на лестницу.

Через десять минут он оказался у театра, остановил свободного извозчика и приказал ехать на Комаровку. Откинувшись на сиденье, он закурил. Где-то начиналась полицейская суета, составлялся протокол, кухарка описывала его внешность, доктор взрезывал ножом пропитанную кровью рубаху. Думать об этом не хотелось, жалости к Живинскому у Скарги не было. Хотелось вымыться, переодеться и покинуть Минск. Дела были сделаны, все долги он вернул. Витя живет своей жизнью, информатора раскроют и казнят без него.

Сумерки сгустились, но освещение еще не зажгли; только окна электростанции тусклыми лучами оттесняли сумрак в низину перед мостом. Скарга посмотрел на часы: до встречи с Антоном оставалось сорок минут. Он велел вознице повернуть на Долгобродскую. На взгорочке проглядывали в кустах кресты, памятники и ограды Золотогорского кладбища. В глубине над деревьями поднимался темным силуэтом костел Святого Роха. За ним, в третьем ряду могил, спали вечным сном Скаргины дед и бабка. Над их общей могилой стоял памятник серого гранита в виде дерева со срезанной верхушкой и обрубленными ветвями. Бабушка пережила мужа на три года. В широкой ограде она оставила себе место и любила посидеть здесь на железной скамеечке, ведя мысленные беседы с тенью деда. Скарга тогда учился в четвертом классе и верил в силу молитвы. В университете он иногда молился, но чаще религиозная потребность спала. Вера развеялась на войне, когда он увидел тысячи мертвецов и калек. В бога, думал Скарга, верят дети и старики: дети - потому что все вокруг них загадка, старики - в силу того, что разгадка жизни оказалась неинтересной. Скарга вспомнил Старика. Пан Винцесь считал себя верующим. Основания его веры были просты. "Возможно, бога и нет, - говорил он с виноватой улыбкой, - но я в него верую. Скучно думать, что люди, которых я любил, бесследно растворились во тьме. Скажу тебе больше: я знаю, как мы встретимся, как радостно заплачем, о чем расскажем друг другу". С кем хотелось встретиться пану Винцесю на том свете, Скарга не знал. Старик об этом умалчивал.

Скарга сошел за Военным кладбищем. Пролетка развернулась и покатила в город. Редкие прохожие шли в церковь. Никто не обращал на Скаргу внимания, никто за ним не следил. Он был свободен. Для полной уверенности он обошел квартал и свернул в Горный переулок. Тут он вошел в чей-то двор и попросил воды. Ему дали напиток. За воротами, в мирной тишине переулка он убежденно сказал себе: "Все. Ушел. Потерялся для них".

Реденькие и еще слабые звездочки начинали мерцать в темнеющем небе. Скарге хотелось оказаться за городом, в одиночестве сжатого поля, лечь на землю, слиться с ней и ее глазами увидеть, как звезды будут множиться, укрупняться, выстраиваться в созвездия, как оттуда, из недостижимой высоты прольется прозрачный свет, коснется земли и превратится в очистительную росу. Ему хотелось очиститься. Три месяца со дня побега он стремился к этому вечеру и такому чувству. Он рисковал, был безжалостен и добился своего. Ему повезло, потому что он сильно желал свободы. Когда в харьковской тюрьме бывший семеновец Степанчук вел его в кабинет доктора, он верил, что убежит. Везет тому, кто решился. Среди арестантов доктор получил кличку "Червяк", вполне точную. На нем был светлый костюм, из кармана выглядывал платочек, волосы лоснились от бриллиантина, ботинки сверкали. Скарга его презирал. Доктор надел халат и сказал Степанчуку вернуться через десять минут. Надзиратель вышел, шаги его удалялись по гулкому коридору. Скарге же было велено лечь на топчан, задрать рубаху и дышать в сторону. И в то мгновение, когда доктор своей тонкой рукой надавил на живот, Скарга костяшками пальцев резко ударил его в кадык. Доктор задохнулся, обессилел, мгновенно был раздет и связан брючным ремнем, а во внутреннем кармане его пиджака обнаружился плоский никелированный бельгийский пистолет. И не пришлось воспользоваться пилой или бить надзирателя табуретом. Степанчук любил исполнительность, на десятой минуте он переступил порог и остолбенел. Повинуясь, он повернулся к стене, и тогда Скарга ударил его рукоятью пистолета в середину фуражки. Закрыв дверь на ключ, он согрел на спиртовке воду, побрился скальпелем, конфисковал у доктора костюм, деньги, часы, документы, а у Степанчука - наган, переоделся и примерил шляпу. До полудня оставался час. Скарга полистал недочитанную доктором книгу - это был "Роб Рой"; доктору нравились приключения. Сейчас он беззвучно плакал. Степанчук мрачно глядел в пол, у него болела голова; наверное, он проклинал себя за доверчивость; впридачу за побег политического его ожидало наказание. Возможно, он молился, чтобы Скаргу пристрелил часовой. Приготовив два марлевых кляпа, Скарга стал у окна, которое выходило во внутренний двор. Пусто было во дворе, время словно уснуло, душа томилась нетерпением. Наконец из караульной вышел солдат со связкой ключей. Тогда Скарга заткнул своим пленникам рты, закрыл на ключ комнату, вышел во двор и размеренно зашагал к уже отворенным воротам. Старик дернул вожжами, фургон тронулся и, когда лошадь закрыла солдата, Скарга оказался на улице. Он готов был отстреливаться, умереть, но никто его не окликнул, не лязгнул за спиной затвор, а тяжелые окованные створки ворот благожелательно проскрипели на ржавых петлях...

В тот день он бежал, сегодня стал свободным. Ему дадут паспорт, средства, он доберется до Вильно, товарищи переправят его в Пруссию, и он сможет уехать в Цюрих или Париж. Там сильная эмиграция, дело найдется, но прежде он месяц отдохнет, будет бесцельно бродить по улицам, целые дни просиживать в библиотеках. Книги помогут сломить унижительную привычку у тусклому, конкретному мышлению, которая сложилась в тюрьме и за месяцы нелегальной жизни. Становишься машиной, первобытным охотником, когда изо дня в день голова забита сиюминутной заботой: где поесть, у кого переночевать, кто идет сзади, кто навстречу, каким подъездом уйти от филера, кого придется казнить. Каждую ночь одинаковые сны, каждый день одни и те же воспоминания, и перед глазами ограниченный, в два противоположных цвета, мир. Живешь

внешним, думаешь о внешнем, даже собственное воображение довольствуется конкретной мечтой...

Скарга достал часы и отщелкнул крышку; он прикинул, что подойдет к костелу ровно в девять, если не будет спешить. Антон педантичен, как немец; никогда не придет раньше, никогда не опоздает и более трех минут на месте встречи не простоят. Но и Белый не опоздает, и Святой. Таково выработанное ими золотое правило конспирации. Жизнь боевика требует железной дисциплины. Расхлябанность - дорога в тюрьму, что доказал его арест у депо.

Скарга вышел на Золотогорскую. Деревянная кладбищенская ограда* в нескольких местах была повалена. Весной в этой части кладбища сладко пахло сиренью. Но букетов здесь не ломали, считалось - герх. Здесь были старые могилы, за которыми никто не ухаживал. Тут лежали полными семьями жертвы холеры. Прямо в ржавых оградах росли уже крепкие тополя и клены, сирень оплетала кресты и закрывала памятники, дожди и солнце стирали с камней имена, разрушая человеческую иллюзию о вечной памяти. На кладбище был народ: парочки прятались в кустах, кое-где Скарга различил одиночек, в костеле играл орган. Главные ворота Золотой Горки, построенные в готическом стиле, выходили на Захарьевскую. Антон уже мог подходить к ним или уже стоял в костеле, слушая вечерние размышления ксендза. Скарга вышел на плиточную дорожку, которая, как межевая полоса, отделяла святую костельную землю от беспорядка разномастных могил. Между дорожкой и костельной стеной тянулись в два ряда дорогие памятники самых именитых прихожан святорохской парафии. Он обогнул костел с тыла и медленно, лениво пошел вдоль знакомых памятников и крестов. Скамейка, которая днем служила местом сходимки прикладбищенских старух, была свободна. Скарга присел. За спиной, в костеле**, базили жалобную молитву трубы органа. И тихой волной на Скаргу накатывала тоска. Он решил, что тоскует о Вите. Все здесь напоминало о ней. На этой скамейке они сидели, по этой дорожке гуляли, в костеле ставили свечки на счастье, в зарослях акации он в первый раз Витю поцеловал. Было начало лета, трава пахла свежестью жизни, серпик луны весело высвечивал белые стены костела, кресты и ограда казались балетной декорацией, вечными были соцветия звезд, красноватых, желтых и голубых, и они шептали друг другу вечные слова о своей вечной любви. Было таинство любви - тоскливо с ним расставаться. Слышатся чьи-то женские шаги - но это не Витя. И музыка пронизана печалью, и кресты, гранитные памятники, кованые и деревянные оградки означают оконченный век и оборванную радость. Можно любить то, что ушло, но нельзя в него верить. Вера - мост в будущее над омутами страданий. Лежишь в камере харьковской тюрьмы, кто-то сладко храпит, кто-то страшно стонет, а тебе вдруг пригрезятся ночной силуэт золотогорского костела, блики лунного света на его витражах, тихий плеск Свислочи в излучине у Архиерейской слободки, и вот ты уже там, на крыльце, и дверь открывается, и слышен спасительный шепот: "Входи! Я ждала, жду, буду ждать!" Голос Вити служил ему утешением, но этот голос он вообразил. "Жду!" - она не шептала. Может быть, "Жду!" шептала Ольга, когда ее, отравившуюся, спасали в Троицком госпитале, и она, шатаясь на паутинке, которая соединяет жизнь и смерть, вспоминала о нем и желала встречи, хотя бы последней. Скарга решил, что навестит Ольгу в Воложине. Только он может стать ее спасителем, вестником свершившегося суда, другом и братом, который даст ей покой и вернет отнятый голос...

---

* Остатки Золотогорского кладбища снесены в 60-е годы. Сейчас на этом месте стоит Дворец искусств.

** Бывший костел Святого Роха оборудован под Зал камерной музыки филармонии.

Скарга закурил и огоньком спички осветил часы. Антон опаздывал на шесть минут. Это Скарге не понравилось. "Арестован!" - подумал он. Потом подумал: "Путает филеров!" Он решил ждать еще пять минут, но чувство тревоги его не покинуло. Непредвиденная ситуация оставляла его без помощи, пусть ненадолго, на одну ночь, но эту ночь надо было где-то переждать, чтобы утром вновь отыскивать выход на своих. Но утром полицейская служба раскинет сеть, и все маневры по городу стократно усложнятся. Обзор этих малоприятных следствий вернул Скарге дневную настороженность. Он огляделся. На закруглениях дорожки, у костельного входа и апсиды стояли троицами некие мужчины. Перед ним в могильных зарослях как-то нехорошо, широким фронтом, шуршали невидимые люди. Все это могло быть стечением случайностей, однако и вполне походило на окружение. Скарга загасил папиросу, перекинул через скамейку ноги и рывком укрылся за гранитным памятником, тело его слилось с холодным, шершавым, надежным камнем. Напряженный, готовый к новому рывку, он ждал какого-нибудь обозначения опасности, которую ощущал вокруг себя, или явного доказательства спокойствия и мира.

В костеле умолк орган. Потом на главной дорожке прозвучали затихающие шаги небольшой группки людей. Потом погас свет в стрельчатых окнах. И когда он погас, Скарга услышал громкую, решительную команду: "Булевич! Бросай оружие! Выходи!" Он лег на землю и переполз к соседнему памятнику. Командный голос объявил для засады: "Брать живьем! Стрелять в ноги!" Кто-то, пригибаясь, побежал по дорожке. Скарга выстрелил, человек шарахнулся в кусты. Прямо напротив него зловеще зашуршала трава, он нажал на курок, кто-то закричал от нестерпимой боли. Филеры открыли ответную стрельбу, не желая рисковать. Он прополз еще метра два и оказался за чугунным высоким памятником. Он с детства знал этот памятник, сделанный в виде часовенки, где богоматерь скорбела перед распятием. Тут он поднялся, прирос к чугунным плитам и стал ждать своего спасительного момента. Того счастливого мгновенья, когда он метнется в хаос оград, камней, крестов, и удача поможет ему, как помогла в тюрьме, и он прорвется, затеряется в зарослях сирени и уйдет дворами золотогорской слободы. Ночь и ноги спасут его. И пули, которых боятся филеры.

"Скарга! Ты окружен! Сдавайся! - кричал ему все тот же командный голос. Жандарм, показалось Скарге, прятался за гранитной плитой и для команд привставал. Скарга словно увидел, как он держится руками за черный гранит и как осторожно высовывается над камнем его голова. "Сдавайся!" - вновь крикнули ему, и тогда Скарга прицельно, будто в мишень, послал в точку, откуда исходил голос, одну за другой, две пули. И понял, почувствовал, что попал, командовать некому, жандармский чин оползает по могильному камню.

Ему ответили залпом, пули с хрустом выщербили костельную стену. Скарга решил - пора. Он достал из-за пояса наган, выбросил уже бесполезный, с опустевшей обоймой пистолет и изготовился к броску.

Он знал, что прорвется. Это было обязательным условием спасения товарищей, необходимостью для справедливого революционного возмездия. Если он не прорвется, никто не узнает, не посмеет предположить, не догадается, что его предал Антон. Потому что только Антон знал время и место свидания. Он сам его назначил. В ту минуту, когда назначал, улыбался, обнимал. Вот эта кладбищенская засада и перестрелка были им предрешены. Он знал, что Скарга не сдастся. Он сам сдал его жандармам еще днем. Поэтому его не брали. Они были уверены - возьмут в девять на Золотой Горке. Наверное, и Адама предал он. И донес по телефону. И деньги заберет Антон, а Старика вновь поведут в Пищаловский замок, как и сорок лет назад. И Острович

ногами выместит на нем свою злобу. Или же Антон сам убьет Старика, как утром убил Пана, потому что Старик знает настоящую фамилию человека, которому надо отдать пакет. И партийные деньги останутся у него, он будет обеспеченным и спокойным. Грех всех этих бедствий сжигал Скарге душу. Нет, подумал он, это Белый. Вот кто. Мстил за Олю. Нет, не он. Не знал. "Боже! Дай мне хоть час жизни! - помолился он. - Я все узнаю, все изменю!" И с этой молитвой Скарга рванулся через пустоту дорожки в мрак кустов, но невидимый раскаленный лом ударил его в спину...

Он лежал на спине. Черный крест увиделся ему над головой, высоко в небе мерцала тусклая звезда, и боль разрывала грудь, принося успокоение. "Скарга!" - услышал он вкрадчивый голос и признал голос Клима. Но видеть Клима ему не хотелось, и он оказался на вокзальной площади: они втроем - он, Адам и Пан - шли в красных рубашках, молодые, сильные, гордые тем, что одеты в красное, потому что красный цвет - символ партии социалистов-революционеров, их знамя окрашено народной кровью. Эта кровь растекалась по площади, и он искал кого-то, кто просил о спасении. "Ольга!" - позвал он, и она появилась в светлом платье и светлом жакете. Она шла к нему, глаза лучились любовью, но земля не могла стонать под ее легкими шагами... Какая-то тень заслонила Ольгу и медленно к нему приближалась. Скарга слышал зловещие шорохи ее движения. Он понял, что крадется тот, кто назвал его имя. Он хотел выстрелить в него, но рука не поднимала наган. Он превозмог слабость руки и повел стволом на высокую тень, закрывшую звезду и Ольгу, и тогда эта тень выстрелила в него...

4. СВЯТОЙ

Мы подходили к кладбищу, когда Белый сдвинул на левое ухо свою шляпку-канотье. Фиглярское положение шляпы на голове означало - опасность! филеры! Никогда Белый не отличался остротой зрения, и вдруг - пожалуйста, в последнюю минуту - прорезался оперативный инстинкт. Действительно, вдоль ограды прохаживался агент, я его тоже узнал. Типичный болван. Стало ясно, что план разваливается, теперь Антон за кладбищенскую калитку и ногой не ступит, тем более, что надо улицу переходить. Мы и последовали дальше, к мосту через Свислочь. Впереди шел Серж, наш гравер, мастер подделки гербовых документов, но совершенно бесполезная личность на улице, затем шел Белый, за ним в десяти шагах держался Антон, и замыкал группу я. По нашей стороне улицы тоже таскался филер. Это меня озадачило. Два филера параллельным курсом - это уже операция. Мы ступили на мост и увидели редкие звезды на черном зеркале воды, когда с кладбища донеслась перестрелка. Все наши буквально оцепенели. Я решил: "Уйдет!" Внезапно начали бить залпами. "Уходит! - подумал я. - Стараются уничтожить!"

Мы разбились на пары и поспешили назад в Долгобродской. На углу столпилась дюжина любопытных, мы к ним примкнули, все вглядывались в завораживающую темень кладбищенских кустов, над которыми возвышались стены костела. Тихо было там, тишина усиливала напряжение. Я вообразил, как Скарга пробирается между памятников и могил. Шансов на спасение темнота оставляла достаточно. Если бы не тупость филера, сейчас меж могильных камней ползал бы и Антон. Белый спас ему жизнь, и, уж безусловно, уберег от ареста. Вдруг вновь залпом бахнули наганы, и я удивился - зачем залпом, по команде; неужели расстреливают? Спустя минуту прозвучал одиночный выстрел, и вдогонку ему второй.

Он оказался последним. Кладбище ожило голосами и невнятным для нас распоряжениями. Меня подташнивало, такого исхода я не воображал. К воротам подкатили две коляски. Было видно, как городские вынесли с кладбища чье-то тело и уложили на сиденье. Двое чинов стали на подножки, и извозчик помчал свой груз вниз по Захарьевской. Сразу же появилась другая четверка с раненым или мертвецом на руках. Зрелище своим обратным движением производило жутковатое впечатление - словно покойников возвращали с того света. В сгустившейся темноте различить кого несут городские было невозможно. Слышались только их реплики, однако, содержательные.

- А этого гада куда?

- Куда! Куда! В морг!

Опять на подножки вскочило по филеру, и пролетка покатила вслед за первой.

Мы застыли в каком-то беспомощном молчании, как бывает после похорон. Следовало разойтись, но я ждал инициативных слов Антона. Было интересно узнать, в каком направлении движутся его мысли. Он думал о Скарге.

- Белый, - сказал он, - у тебя, вроде, знакомая сестра есть в больнице. Пусть узнает...

Тот пообещал разведать и напросился ночевать к Сержу. Нам с Антоном почти сразу попался поздний извозчик, который сам предложил услуги. Мы ехали молча. На Захарьевской возле синематографа я сошел. Напряжение прошедшего дня совершенно обессилило меня. Я брел, как старик, ноги подгибались, а все, что происходило днем, смешалось в кашу. Добравшись до своего подвала, я рухнул на топчан и мгновенно уснул. Начинало светать, когда я пробудился. На дворе, верно, уже стоял день, а светало в моем подвале, заглубленном в землю на три сажени. Мутный свет, проползавший сквозь небольшие оконца, высвечивал вопиющую убогость моей жизни. Убогость смысла и убогость заблуждений, которые привели меня в это кирпичное подземелье под низкий сводчатый потолок на самодельный топчан каторжной конструкции. И еще считается, что мне повезло: в подвал ведет отдельный вход, я обитаю в нем один, досчатая перегородка, оклеенная газетами, отделяет спальную часть от прихожей, от сеней. В подвале есть печь, в сенях хранятся дрова. Пол давно разохся и скрипит, но все же это не земляной пол, а от мышей в каждом углу поставлена мышеловка. Возможно, так и должен существовать борец за царство свободы и светлое будущее. Пария. Ничто. Никто. Эсдеки любили петь, собираясь на сходки: "Кто был никем, тот станет всем!" Неплохо придумали: из грязи - в князи! Кто же откажется? Только партийными массами и боевыми дружинами из грязи в князи не ходят. Слава богу, что затхлая подвальная атмосфера лучше разрушает иллюзии, чем собственный, обустроенный дедом, домик, навряд ли того, на Немецкой улице, в котором живут Антон и его пес Ангел. Провести молодые годы в качестве рядового боевика - просто верх глупости. Нет уж, опротивело на побегушках: экспроприируем то, расклеим тут, попугаем этого, а того нашпигуем свинцом. Ради чего? Год назад я сообразил, что меня заразили мерзостью коллективизма и тупой верой в избранность партии. С какой стати мы воображаем, что нам суждено создать земной рай? Почему нам? Кем суждено? По какой это уважительной причине, жизнь не разотрет нас в порошок, как растерла до беспамятства миллионы бунтарей, если их сосчитать по столетиям? Чушь! Патология...

Я поднялся и сварил на спиртовке кофе. Раздражение мое оно не смягчило... Все мне не нравилось. Особенно злил вчерашний дурак-филер. Кругом царит глупость. Какой осел поставил его при ограде? Посадили бы за куст или, по крайней мере, спрятали за ограду; Антон спокойно пошел

бы на встречу, не случилось бы перестрелки, и Скарга остался бы жив. Белый, конечно, тоже порядочная скотина. Спрашивается: откуда он мог узнать, что стреляли в Живинского? Он, что, присутствовал? Видел? Слышал? Кто ему сообщил? Сорока на хвосте? Так нет же, примчался к Сержу и ошаршил всех, как дубиной: убит или тяжело ранен жандармский ротмистр, на Захарьевской наряды полиции. Кто стрелял неизвестно. Но, надо думать, Скарга. Никто другой не способен. Ладно, пусть Скарга. Ну и что? Ну, стрелял, убил. Не ты. Не тебя. Значит, как требовалось. Зачем же преувеличения: "наряды полиции", "наряды полиции!". Прямо-таки десятки нарядов. Антон, разумеется, ухо наострил и повел при себе всю компанию для большей надежности внимания. Впрочем, оно, может, и к лучшему. Шли вчетвером, каждый на виду, не придраться.

Но и Скарга сам виноват, всегда любил бросаться под таранас. Зачем было стрелять в Живинского за два часа до встречи? Не мог потерпеть. То же самое и в полночь несложно сделать. Хотя теракты сегодня - занятие пустое, себе во вред. Обыватель разлюбил перестрелки. Ему проще приспособиться к обстоятельствам и притерпеться к нужде. Христос терпел и нам велел! Большинству человечков приятнее сходить в синематограф, чем на тайную сходку. И они правы. В синематограф человек идет по собственной воле и для удовольствия, в борьбе против эксплуататоров он обязан стать нулем, а удовольствия никакого, потому что сотнями нулей правят единицы. Публика разочаровалась в политических увлечениях. Даже сознательная интеллигенция. Вообще решительных людей в народе стало мало. То есть решительных для партийной работы в условиях подполья и репрессий. Рабочие не умеют думать. Крестьяне еще в меньшей мере и не желают учиться. Возможно, здоровый инстинкт подсказывает им, что лучшей жизни они не дождутся, если и победят. Таков был опыт Французской революции, о которой они не имеют малейшего понятия. Большинство всегда проливает свою кровь даром и зря. Безумие войны втягивает их в батальоны, вооружает штыками, и они отчаянно стараются осуществить чужую волю, прикрытую заманчивыми фантазиями о светлом будущем, где каждый дурак и умный, профессор математики и круглый невежда будут одинаково равны и счастливы. На дорогах войны из калечат и убивают. Их дети вырастают сиротами, их вдовы работают за двоих. Пить чай за самоваром приятнее, чем получать по голове саблей. Такова банальная мудрость раба. Рабский рефлекс приучает никому не верить, чтобы не превратили в средство. Для капиталиста средство - деньги, для партий - масса, простаки. Не хочешь быть средством в ловких руках - держись в стороне. Другого способа самозащиты у нормального человека нет... Не верить никому, кто обещает счастье, равенство, свободу, - ни царю, ни Столыпину, ни кадетам, ни эсдекам, даже эсерам и анархистам нельзя верить. Обманут, запрягут, принудят работать, причем на черной работе...

Условный стук в окно вернул меня в тусклую реальность наших обстоятельств. "Начинается, - подумал я. - Сейчас призовут к деятельности. Осла выведут из стойла. Как это опротивело!"

Посетителем оказался Белый. "Скарга жив!" - выпалил он с порога.

Я не смог понять, радуется ему это или печалит.

- Он жив, - энергично повторил Белый, словно я оспаривал такую возможность. - Два тяжелых ранения...

- Слава богу! - откликнулся я. - Антону сказал?

- Иду от него. Он будет ждать тебя в двенадцать в сквере.

- Он никого не ждет, - уточнил я. - Он всегда опаздывает на три минуты. Это называется "золотое правило Антона".

- Опоздай ты, - предложил Белый. - Кто тебе мешает.

- Попробую.

Мне хотелось расспросить о настроении Антона. "Заходи, - пригласил я. - Кофе поьем". Белый решительно отказался: невозможно, вчера полдня не работал, хозяин рассчитает. Это было похоже на правду, но в связи с приглашением в сквер я допустил, что Антон решил на разрушительные меры и напичкал Белого недоверием.

Последовав совету Белого, я опоздал на пять минут и нашел Антона на скамейке у черного входа в театр. Держался он уверенно, но мне показалось, что энергичная поза стоит ему усилий. Следующую четверть часа мне пришлось слушать его монолог. Он начал рассказ с того, что ночью не мог уснуть, им овладела мучительная мысль: он стал Иудой. При нем расстреливали его друга, он не препятствовал, шел по улице, стоял в толпе, слушал выстрелы и при этом невольно вздрагивал от страха. Скарга погибал на месте свидания, оговоренном с ним, он сам определил время, именно в это время Скарга попал в засаду. Вечерней беды он совершенно не предполагал. Путь Скарги в Вильно был тщательно продуман. Сегодня он уже был бы там. Спустя два дня он, Святой, отвез бы на виленскую явку деньги. Все было ясно, план начинал осуществляться. Будь за Скаргой погоня, хвост, слежка, он не пришел бы на кладбище. Он пришел - значит, погони не было. Но засада ждала. Из этого факта неопровержимо вытекает, что единственная причина гибели Скарги - измена среди своих. Скарга предан сознательно.

- Похоже на правду, - поддакнул я, но Антон не отреагировал на мою ремарку, он спешил к своей цели.

Раздумывая об известных ему передвижениях Скарги по городу, продолжал Антон, он понял, почему Скаргу не трогали, хоть легко, без перестрелки, без единого выстрела могли взять в любую минуту - ждали денег, распорядителя средств, курьера. Распорядителем был он, а в курьеры он определил меня. Но Скарга не имел обязательства приносить деньги. Он был должен назвать место хранения. Засада не имела смысла. Требовалась слежка. Скорее всего, перестрелка спровоцирована нападением на ротмистра. Скарга показался им чрезвычайно опасным. Они побоялись его отпустить. У них сдали нервы. Тем не менее, засада - действие спланированное. Она требует подготовки, координации, знания места и времени появления конкретного лица. Сообщить о нем полиции мог исключительно тот, кто знал, когда Скарга появится у костела. Знали же об этом четверо: он сам, Белый, гравер Серж и ты (это значит, я). Неприятно сознавать свое бессилие, когда неизвестная воля разрушает удачу, успех текущего дня. Противно, что даже не злая, а подлая. Весь многомесячный риск Скарги уничтожен донесением предателя. А равно и все наши конспиративные ухищрения превращаются в чепуху. Полицейские офицеры заходятся от хохота: хитрите, хитрецы, пробирайтесь подворотнями, протискивайтесь сквозь заборные щели, все равно каждое ваше слово будет подшито в досье. Из этого тезиса следует, что он обязан приостановить доверие своим товарищам, и все вместе обязаны выявить осведомителя. Для этого сообщения он и пригласил меня в сквер. Осведомитель должен быть изъят. Он должен получить заслуженное. То, что он отнял у Скарги, должно быть отнято у него. Четверо человек знали, что в девять часов Скарга придет на Золотогорское кладбище. Если они не идиоты, то каждый из них гадает, кто мог выдать товарища на смерть. Они размышляют о предателе, и предатель постарается правдоподобно искать предателя, и это поможет ему защищаться...

- Что же, Антон, теперь нельзя верить тебе? - спросил я.

- Да, - ответил он резко. - Пока не выяснятся все обстоятельства, веры нет никому.

Я подумал, что Антон оказался в нелепом положении. Если Скарга и проклинал кого-нибудь в последнюю минуту, то должен был проклипать только его.

- Значит, ты не станешь доверять мне, пока не выяснятся все обстоятельства? - переспросил я. - И другим ребятам тоже?

Ответ походил на лозунг:

- Это наша обязанность.

- Но с какого конца мы приступим к выяснению?

- Пока не знаю. Придумаем.

- Все вместе придумаем или ты в одиночку? - спросил я иронически. - Давай, для начала проверим меня. Или тебя.

Он ответил, что отгадать осведомителя, на его взгляд, не составит сложности. Это не беда. Есть настоящая беда: Скарга не передал, где хранятся деньги. Партия может потерять девяносто тысяч. Но и полиция не найдет. И осведомитель, если он хотел поживиться. Теперь проблема, как это место узнать...

Вот тут я абсолютно перестал ему верить. Даже возникло подозрение, не приложился ли он сам к этой засаде? Чем черт не шутит. И посильнее его людей жандармы ломали. Все в этом случае сходится. То Скарга для него друг сердца, ближе нет, водой не разольешь, то на встречу не пошел, бросил своего друга в лихую годину. Подумаешь, Белый филера приметил. Да в эту минуту тут, вокруг сквера, может, пять филеров поставлено в караул. И ничего, сидим. Мог и не подходить к Скарге возле костела, мог нагнуться, шнурок завязать на ботинке, Скарге был бы знак - спасайся. А теперь изменника ищет, сказки рассказывает. Днем сам виделся со Скаргой, тот не мог умолчать о главном - о тайнике. Все-таки девяносто тысяч. Это не партийное объяснение - скажу потом, вечером на кладбище, у костела. А вдруг схватят? Антон нагло врал. Он знает, где денежки, те самые пачки ассигнаций, к эксу которых приложена и моя рука. Да и кто допустит мысль, что ему это неизвестно. И те, кто отыскивает деньги, начнут охоту за ним. Точнее, слежку. И в удобный момент арестуют или убьют.

- А если осведомитель - просто осведомитель? - спросил я. - Без мотива наживы. Один мотив - осведомить.

Антон задумался или сделал вид, что задумался. Результатом раздумья стал согласный кивок:

- Возможно. Но полиции необходимы именно деньги. Иначе Скаргу взяли бы днем на Немиге или в гостинице. Или еще в Смоленске. Деньги - кровь действия...

По тому, как он уважительно объявил "Деньги - кровь действия", я почувствовал, что "кровь" уже у него. И цель нашей встречи - убедить меня в том, что деньги погребены в неизвестном хранилище. Видимо, утром он изложил эту версию Белому, а позже расскажет другим. Расчет простой: осведомитель доставит грустное известие в жандармское управление, и оно прошляпит свою добычу. Я подумал, что надо переговорить на эти темы с товарищами, поставив

под сомнение честность поведения Антона возле кладбища и отметив все слабые места созданной им легенды. Раз ему захотелось приостановить доверие, пусть сам почувствует силу коллективной подозрительности.

- Что ж, - согласился я, - проверка необходима. Когда соберемся?

- Передам через Белого, - сказал Антон и пошел по аллее походкой человека, погруженного в тяжелые раздумья.

Я глядел ему в спину и думал: все, слова сказаны, дело сделано, группы нет. Ей уже не восстановиться. Пусть гадает о мотивах, это кажется ему несложным. Мартышкин труд. Тут множество интерпретаций, и все окажутся ошибочными или без достаточных доказательств. Можно, конечно, приписать осведомителю материальный интерес. По логике Антона это всего ближе к правде. Скарга бежал, чтобы вернуть партии свой денежный долг. Если бы осведомитель соблазнился присвоить всю сумму себе, ничего лучшего, чем завести Скаргу в засаду, придумать нельзя. Полиция ль присвоила их себе или они бесполезно тлеют под слоем дерна - никогда не дознаться. Деньги искусили Гапона исполнить роль провокатора. Житейские радости не требуют партийного членства. Чем следовать девизу партии и отыскивать свое счастье в борьбе, крестьяне плывут в Америку или уходят в Сибирь, где нет сельского перенаселения. Девяносто тысяч для организации - это ограниченный фонд помощи и содержания газеты. В одних руках такие деньги позволяют беззаботную жизнь в эмиграции. Но если деньги на руках у Антона, то какие могут быть с его стороны претензии? Это ему придется страховать от недоверия товарищей, чтобы одного дня трое уполномоченных партийцев не явились в полночь на квартиру и не повесили на крюке в прихожей, как это сделали петербургские боевики с попом.

Да, добром он не кончит, думалось мне. Вчера ему повезло, завтра сцапают. Он обречен, потому что опасен. Он опасен, потому что привык превращать людей в средство. Он сознательно, Скарга несознательно, но это ничего не меняет. Кто сильнее, тот всегда давит слабого, используя его, как средство. Разве не Антон и Пан виновны в смерти Адама? Ни минуты не совестились. Всегда у них виноват кто-то - царь, полиция, наконец, сам погибший, мол, плохо стерегся, нарушил "золотые правила" конспирации. Типография! Типография! Охрана! Смешно. Что пользы с боевика-охранника, когда приходит наряд из десяти городских. Адам, как чувствовал свою близкую гибель, печально шутил, что приказано охранять склеп, где его похоронят. Так и произошло. Как в воду глядел. Что можно сделать одним наганом! Казнить сановника - да, вступать в бой - нет. Ну и что напечатано в том погребке? Жалкая листовка, плод бессонной ночи Антона. Народ прямо-таки умер бы с горя, если бы ее не напечатали. Ну, напечатали. Что, пробудились минские обыватели? Как были бараны, так и остались! А человека нет. Вот еще доказательство - Скарга. Один против дюжины - самоубийца. А возразишь - ренегат, трус, измена святому делу! И служишь - называется, освобождению народа, идеалам земного рая, а в реальности - честолюбивым людям, которые получили в партии властные полномочия. Антон придумает, решительные боевики исполнят. А попробовал бы сам посидеть в погребке с револьвером в руке и победить полвзвода. Вон как вчера заколодило при перестрелке. Дар речи утратил. Приказывать, разумеется, легко. За писание листовок три года ссылки дают, за револьвер - пять лет каторги...

Но с меня хватит. Надоело ощущать себя средством, зависеть от воли таких оголтелых революционеров, как Пан. Непонятно, за что его Скарга любил. Может, не любил, а ценил. Это не одно и то же. Владимир Пан - эсеровский боевик! Нет уж, позвольте рассмеяться. Обычный криминальный тип. Еще бы ему не ратовать за равенство и свободу. Смена строя и равенство избавят его от работы на стеклозаводе. Ну, а что ему мечталось делать в обновленном

справедливом обществе? Бутылки под сельтерскую? Вот уж нет. Сам говорил, что готов исполнять обязанности охраны в государстве победившего народа. То есть занял бы место Живинского. Дальтоник. Мир в две краски. Ну как может понимать равенство, справедливость, закон человек, который после начальной школы не прочел ничего, кроме партийной программы и листовок. Пришлось застрелить его, чтобы не убил меня. Привел же его черт три дня тому в вокзальный ресторан, когда Живинский выспрашивал о возможных маршрутах Скарги в городе. Дурак был ротмистр Живинский. Нашел место для таких бесед. Кофе ему там нравилось пить. Пан звериным чутьем учуял неладное. Назавтра встретились - у него глаз ледяной, то есть займется проверкой. А чтобы потеплел - придется вновь теракт, экссы, изъятия типографских наборных касс. Ну уж нет. Лучше один собственный грех, чем десять в чужой упряжке. Бессонная была ночь. В пять утра из дома вышел, через час к Пану постучал. Тот на заводик свой собирался. Пришлось финтить: "Антон прислал. Записка!" Тот впустил, сел за стол, взял запечатанный конверт, разрывает - две руки заняты, висок открыт... А теперь, слава богу, и Живинского нет, убрал его Скарга. Знать бы вчера днем, что он ротмистра в гроб уложит, не пришлось бы звонить и говорить четыре слова "Костел Роха. Девять вечера". Как было допустить, что стрельбу откроют. Тупицы. На Немиге не брали, на кладбище отряд привели. Столько дубин не сумели одного взять без боя. Жаль, конечно. Но и Скарга сглупил, невозможно представить, что столь просто попался. Засада, куча филеров - ничего не почувствовал. Хоть то хорошо, что ротмистру отомстил. Живинский был жестокая сволочь. Возможно, нельзя по-другому на такой паскудной службе. Но ему и нравилось устрашать, когда попадались в его ловушки. Если бы Адам не отстреливался при захвате типографии, то, может быть, четыре слова по телефону для Живинского вчера сказал бы он. Потому что не остается выбора, когда тебя берут с оружием. В том самом доме, где в погребке станок, а в комнате лежит неостывшее еще тело Адама. И как раз сменщик пришел. Руки сами собой поднялись вверх, когда в сенях уперлось в лоб леденящее дуло. Трудно наврать что-либо толковое, если у тебя из-за пояса вытаскивают револьвер, а ты знаешь, что из твоего нагана убит тюремный надзиратель. Затем откормленные убийцы выкручивают тебе из суставов руки и волокут в гостинную, там сидит Живинский, лежит Адам с коркой крови на мертвом лице, и Живинский спрашивает, надеюсь вам не хочется лечь рядом с ним. Ты молчишь, тебе говорят: ну-ну! И бьют сто раз под дых. Затем Живинский остается с тобой наедине и обрисовывает сначала мрачные перспективы, а после, для сравнения, радужные...

Пришлось кое-что выложить сразу, разные мелочи, притвориться никчемностью, караульщиком, которому немного доверяют. Год ротмистр над душой висел, надо было утолять его любопытство. Но про удачный экс девяноста тысяч никаких сведений Живинский не получил. Приятно было хоть этим отомстить. А через три дня Скаргу взяли по анонимному звонку. Ротмистр проговорился, думал - моя работа, вынес благодарность за подвиг верности. Кто звонил - до сего дня тайна. Только догадываться можно. Скаргу забрали вместе с девушкой, а за ней без успеха ухаживал Белый. Сдавать любимое создание полиции Белый, естественно, не желал, а ее пытали. Бог знает о чем думал Белый пустой своей головой, возможно, ему мечталось, что Скаргу сошлют года на три к черту на кулички за уральские горы, а он сделает предложение. Теперь ни невесты, ни товарища, и грех на душе. Можно и его простить. Плохо слабому на белом свете. Те давят, эти душат, сам чувствуешь свою слабость, девушка чувствует твою слабость, а надо притворяться энергичным борцом за дохлое дело. Нельзя же десятилетиями заниматься одной и той же работой - расклеивать листовки или ночью подкарауливать охамевшего полицмейстера, чтобы вогнать ему пулю в толстый живот...

Душа утомилась от однообразия борьбы. Конечно, такие люди, как Скарга, - скаковые лошади партии. На них она и держится. Но зачем мы, овечки, бежим за ними, ломаем ноги в тех

ямах, которые они легко перескакивают. Да и ради чего мы становимся боевиками? Зачем извел я четыре аршина белого ситца под лозунг "Мир хижинам, война дворцам!" Ну, сколько дворцов в Минске? Все население минских хибар и хижин в эти дворцы не влезет, хоть битком набивай. Даже в простые квартиры не войдет. Остальным, значит, придется ждать пока для них новые дворцы построят. И бутылки винные, однако, не отменят. Придется кому-то вместо Пана брать стеклодувную трубку и надрывать легкие возле печи. И создавать новую партию, сбивать новые пятерки, превращая наивных и податливых в революционное мясо. Но что мне до этого, если уже нет у меня иллюзий коллективного счастья. Был я когда-то сам по себе, хотел стать священником, в семинарии числился среди первых и сострадал сердцем всем, кто несчастен. Зачем ушел я в мир, нагрузился грехами, живу подобно золоторотцу на дне подвала? Зачем я ходил по лезвию? А теперь Антон объявляет, что ему неизвестно, где тайник, что он приостанавливает доверие и будет отыскивать измену и принимать решение о каре. Кара в таких делах одна - смерть.

И поэтому ему придется разделить судьбу Пана. Кто кого. Отступить не удастся. Не станет Антона, развалится группа, не будет чего требовать преемнику Живинского. Все потери спишутся на полицию. А затем покинуть этот медвежий угол. Есть красивые острова, семь чудес света, римские костелы, каналы Венеции... Все это можно увидеть на кратком своем веку, если освободиться. Я подумал, что времени у меня в обрез. Если я не приду к нему до полуночи, утром они могут придти ко мне. Но могут и вечером. Сам Антон стрелять не умеет, ему придется отыскивать помощника. Это рассуждение повело меня на почту. Я решил застраховаться, связав Антона слежкой. На почте я попросил связать меня с приемной управления и сказал в телефон три слова: "Антон ищет курьера". И добавил "Андреев", чтобы сообщению поверили и отдали офицеру, который знал мой псевдоним.

5. АНТОН

Покинув сквер, Антон напрямую зашагал к Петропавловскому собору, обогнул его, постоял на остановке конки, что было излишней предосторожностью, и твердо уверившись в отсутствии наблюдения, вошел в здание губернского суда. В вестибюле он повернул налево и двинулся в глубину коридора, где сводчатый потолок, глухие двери, вековая настоявшаяся полутьма и стонущий под ногами пол напоминали о пожизненной тоске, которую испытали тут в давнее время многие поколения монахов, а после них - множество мелких чиновников разного назначения. Антон подумал, что, верно, такая же мрачная таинственность стоит в кольцевых коридорах тюремного замка, где он мог оказаться вчера после девяти часов вечера. Должен был оказаться по воле предателя, если бы Белый не приметил филеров. Можно смело считать, что ему повезло, уже шестнадцать часов он на воле, однако прошли эти дарованные часы свободы в пустых переживаниях и бездарном бездействии. Хотя есть уйма важнейших дел. Вчера тоже хватало дел, но они были в охоту, сейчас все дела - всего лишь борьба с неудачей.

Следуя мимо кабинетов с неразличимыми в полумраке номерками на дверях, Антон вспоминал, как сутки назад, вчера днем, радостно думал о Скарге и вообще о неожиданной полосе удачи. Скарга жив, деньги у партии, курьер отвезет их в центр. Скарга уедет в Вильно, ему дадут проводника, он переступит имперскую границу. И огромное число чинов полицейской и

жандармской службы, царских холоуев, охраняющих это гнилое государство, останутся с носом. Пусть маленькая победа, но и она доказательство нашего реального существования. Какие-то лирические возникали вчера мысли, радостные, с налетом грусти. Или вообще странные. Вот отмечал в мыслях, что он и Скарга - разные, как лед и пламень. Именно такая стихотворная строчка и вспоминалась. Да, "лед и пламень". Возможно, именно поэтому он Скаргу и любил. Хотя, может быть, это не любовь, а желание гармонии, равновесия, живого огня рядом. Скарга не рассудителен, или, вернее, не склонен к долгим размышлениям. Он одарен умом, но его планы и осторожность всегда тактические. Он пленник своих эмоций. У него же, Антона, этого недостатка нет. Бог уберег. Ему всегда было скучно решать тактические задачи. У Скарги же отсутствовало стратегическое мышление. Когда Скаргу забрали, он остро ощутил нехватку его энергии в организации. Скарга попался крайне нелепо. Его никогда не схватили бы там, где он ожидал удара. Он не попался при рискованной экспроприации, и оказался в руках полиции по случайности. Вчера он никак не ожидал засады, и получается, что под удар подставил его он, Антон. Еще вспомнилась Антону такая его мысль из прошедшего дня, связанная со Скаргой. Когда он передавал с Белым поручение Сержу подготовить документ для Скарги, у него внезапно возникло желание: хорошо бы им эмигрировать вместе. Желание родилось из неохоты расставаться со Скаргой. Была бесспорная слабина в таком желании: в тюрьму харьковскую вместе со Скаргой не хотелось. Сострадал, жалел, но вот лежать рядом в камере на одних нарах никак не желал. Ничего для этого не предпринимал и не было даже такого варианта в воображении: вот вместе с другом в тюрьме, в одном блоке, вместе на прогулке. Конечно, это был бы просто безумный поступок - ринуться в тюрьму следом за товарищем собственной романтической волей. Эмигрировать вместе - разумный поступок, в тюрьму - идиотство. Но Скарга был способен на такое безумство, хотя временами проявлял и чрезвычайную трезвость. А с другой стороны, что бесчестного в мечте провинциального революционера побывать за границей, в Париже, потолкаться в парижской толпе, познакомиться с простыми парижанами, с рабочими, с их опытом революционной борьбы? Сколько поколений эмигрантов оставило свои следы на мостовых Парижа и Женевы? Хотя, разумеется, такая поездка, становится возможной только через побег из ссылки и тем более из тюрьмы. Да, конечно, он завидовал Скарге. Завидовал, собственно, не тому, что тот скоро окажется на берегу Женевского озера или возле Нотр-Дам. Скорее, зависть относилась к его удаче и мужеству - навряд ли сам он сумел бы сбежать из тюрьмы. Оперативных качеств у него мало, тут он крепко обижен природой. Возможно, чтобы они появились, надо было побывать на войне, как Скарга. Он может лучше продумать операцию, но тот несравнимо лучше исполнит. Скарга исполнит, а он, если начнет исполнять, то погубит свой же замысел. Ясно, что при таких свойствах натуры уходить в эмиграцию разумнее, чем идти в тюрьму. А сейчас у Скарги один финал: или смерть в больнице, или расстрел на тюремном плацу. И спасти его невозможно.

Последний кабинет в конце коридора принадлежал статистикам. Антон приоткрыл дверь, заглянул в комнату, тесно заставленную столами и шкафами, и почувствовал себя счастливым, увидев Стаха и обменявшись с ним взглядами. В надежности Стаха он не сомневался, но основой визита было то, что Стах ничего не знал о встрече на Золотой Горке и не подпадал под подозрение. Вчера ему отводилась роль проводника. План был таков. В половине одиннадцатого Скарга должен был приехать на Кальварию*, отсюда Стах вел его до Кунцевщины**, где передавал своему брату, который немедленно же уводил Скаргу лесными тропами в Тарасово***. Тут Скарга отсыпался, а наутро надежный извозчик вез его в Сморгонь, где Скарга садился в поезд и ехал до Новой Вильни. Здесь Скаргу встречали и последние несколько километров до Вильни он ехал пролеткой, поскольку виленский вокзал так же нашпигован филерами, как и минский. Но этот четкий план подорван изменой, Скарге никогда не видать Парижа, Стаху не вести его полевыми стежками в

надежный дом, и вместо этой несложной задачи ему придется рисковать в качестве почтового курьера. Пройти весь маршрут, назначенный для Скарги, но с деньгами.

---

* Кальвария - католическое кладбище на окраине Минска.

** Кунцевщина - деревня в трех верстах от Кальварии.

*** Тарасово - местечко в десяти верстах от Минска.

Из привычки сторожиться Антон поднялся на второй этаж и обошел его по кольцевому коридору с таким же сводчатым потолком, как и внизу, но застланном дорожками и лучше освещенным через дворовые окна. Когда он вернулся на лестничную площадку, там, раскуривая папироску, ожидал его Стах.

- Что, вчера что-то не вышло? - спросил он с простодушной улыбкой. - Я полчаса ожидал.

Антон удивило, что в статистическом комитете не слышали о перестрелке.

- Хочу предложить рискованное дело, - сказал Антон. - Очень рискованное, - подчеркнул он.

В глазах Стаха засветилась радость, слово "риск" его не пугало, но только потому, подумал Антон, что он еще никогда сильно не рисковал, в рискованные операции его не принимали. Вероятно по той уважительной причине, что родился флегматиком. Холеричных боевиков раздражала его неторопливость. Стах был высокого роста и очень силен, но как-то в уличной драке двое тщедушных пьяниц за минуту разбили ему нос и губы, а когда наконец он разозлился и сжал свои пудовые кулаки, они уже стояли на другой стороне улицы. Он поленился их догонять. Возможно флегмой бог уравновесил его силу и уберег от неумышленного душегубства. Он любил обстоятельность, хотя это ценное всеми достоинство могло прикрывать врожденную лень. Однако, думал Антон, обстоятельный лентяй все исполнит по плану. Он не сделает лишнего, а сделать меньше ему не позволит совесть. И рассчитывая на это, Антон стал излагать свой план, предварив его необходимой информацией о Скарге, измене и необходимости строгого соблюдения тайны...

Когда Антон вышел на площадь, его слегка тревожила совесть, и он успокаивал себя рассуждением, что все рискуют, даже доносчик рискует жизнью, тем более честные партийцы обязаны рисковать, заступая на место раненого товарища, и обстоятельства не позволяют длительных поисков надежного и опытного человека. Да и что может выступать гарантом надежности? И как накопится опыт без деятельности? Конечно, надо, увериться, что Стах начнет точно исполнять инструкции. А далее - придется полагаться на удачу.

Антон поглядел на часы городской ратуши, близилось к двум. До четырех время было свободное, и он пошел в кафе Венкжецкого, рассудив, что если за ним есть слежка, то пусть агенты и остаются при нем, к тому же в послеполуденные часы в кафе преобладают дамы и на их жизнерадостном фоне жуликоватые филеры намного приметнее, чем в уличной толпе.

Действительно, у Венкжецкого был дамский час. Хозяин ходил меж столиков и любезничал с барышнями и матронами. Его болезненная жена редко спускалась с второго этажа, и днем он

брал некоторый реванш за скуку семейного уединения. Антона он едва ли разглядел, вдохновленный тем птичьим щебетом, который заполнял его кафе, словно лес в солнечное утро.

Антон сел за свободный столик у окна, скоро ему принесли кофе и солидный кусок чудесно испеченного и пропитанного коньяком "наполеона", а еще через десять минут, когда он заканчивал свой обед, в зал вошел рослый мужчина в заурядном костюме, но с отличной выправкой и для вежливости сказав "Разрешите?", уселся напротив Антона.

- Добрый день, Валентин Станиславович, - сказал он приветливо. - А я вас уже три часа разыскиваю.

- Простите, однако не имею чести... - ответил Антон, понимая с холодком на сердце, что его неожиданный собеседник не мог быть никем иным, как жандармом.

- Да, это правда, - согласился незнакомец. - Я приехал из Смоленска. Вместе с одним товарищем. "Скарга", так зовут этого человека среди друзей. Его настоящая фамилия Булевич. Мне говорили, что раньше вас часто видели вместе. Булевич Кирилл, - тут смолянин уставился на Антона, ожидая ответа.

- Как же, знаю, - отозвался Антон. - Но я слышал, что он попал в тюрьму...

- Совершенно верно, попал. За листовки партии социалистов-революционеров. Но вот беда - бежал из тюрьмы, и вчера при попытке задержания получил тяжелое ранение. Я был у него в больнице. Только что...

- И как он?

- Увы, ничего хорошего. Впридачу, список известных подвигов этого Скарги вчера же пополнился еще одним деянием - убийством тюремного надзирателя. На полу в квартире несчастного обнаружена гильза, а в сердце - пуля, выпущенная из пистолета, которым Скарга пользовался в перестрелке. Городовые заметили и вас в это время, в начале десятого. То есть не возле костела, а на улице.

- Да, проходил мимо, - кивнул Антон.

- Мало того, этот беглый Булевич вчера же казнил жандармского ротмистра. Тоже на квартире. Живинский фамилия покойного...

- Насколько я знаю Кирилла, - сказал Антон, - он никогда не был несправедлив, тем более далек от уголовщины...

- Возможно, Валентин Станиславович, - неопределенно сказал смолянин. - Да, - спохватился он. - Звать меня Валерий Иванович, но тут у вас в Минске я нахожусь под кличкой Клим. Так Скарга ко мне обращался... Я к нему - Скарга, он ко мне - Клим. Из соображений конспирации. И ни он, ни я ни разу не оговорились.

- Вы что же, бежали с ним вместе, - улыбнулся Антон.

- Ехали вместе из Смоленска в Минск. В одном купе, - не поддержал шутку Клим. - Но никак не ожидал - что начнет стрелять. Ведь беда в том, что казнь без судебного приговора считается умышленным убийством. Как-то даже не верится, что его могла уполномочить на теракты местная организация. Как вы думаете?

- Чего не знаю, того не знаю, - ответил Антон.

- Так я и думал, - вздохнул Клим. - Самодеятельность. Но не в том дело. Изменить его судьбу не в моих силах и пока что не в ваших. У меня к вам не служебное, а сугубо личное предложение. Я просто вынужден обратиться к вам как к приятелю Булевича. Беседа наша, повторяю, носит личный характер. Сами видите, в окружении прекрасных дам...

- Поэтому мы и говорим вполголоса, - сказал Антон. - Но начнем наш тет-а-тет, мне стало любопытно.

- Мне придется сделать введение, - сказал Клим, - чтобы не возникало путаницы. По долгу службы, а я - жандармский ротмистр, и по воспитанию я невысоко ценю так называемых революционеров. Можно сказать, что они мне не нравятся. Есть несколько оснований такого чувства, назову два. Партии малочисленные, взносы мизерные, расходы большие. Вот и начинается экспроприация, то есть грабеж. Что социалисты-революционеры, что социал-демократы - разница незначительная. Сейчас некое число этих революционеров и почти все их вожди съехали за рубеж. Там живут за счет партийной кассы, то есть, на мой взгляд, - воры. Тут какой-нибудь простофиля-рабочий, которому засорили голову мечтами о земном рае, отдает свой взнос в партийную копилку, а верхушка за эти деньги снимает квартиры в альпийских городах, ест, пьет и пишет пламенные статьи о свержении самодержавия. Никто не спорит, идея заманчивая - сделать всех счастливыми и равными в реальных правах. Но ведь целиком заоблачная. Есть несколько идей, которыми постоянно обманываются или пытаются обмануть: это идеи вечного двигателя, бессмертия и коммунистического благополучия. Человечество, надеюсь, Валентин Станиславович, вы не будете возражать, за последние два столетия несколько поумнело. Тех, кто обещает бессмертие, считают шарлатанами. Им как-то и руки не подадут в приличном обществе. Изобретатели вечного двигателя решением Парижской Академии классифицированы, мягко говоря, как чудачки, их проекты выбрасываются в камин без рассмотрения. В принципе и третья идея была опробована в реформаторских коммунах. Все они, как говорится, плохо кончили. Возможно, необразованным людям надо на собственном опыте убедиться, что столь милое революционерам равенство не может обернуться чем-либо иным кроме нищеты, причем нищеты всеобщей, потому что равняться придется по нижнему уровню - по самому бедному. Посему политические эмигранты поступили бы более честно, если бы вместо писания статей о справедливости, попросили бы наделы на сибирских черноземах и разбогатели на продаже гречки или овса. Но не хотят и не умеют работать. По этой причине - чтобы иллюзионисты не существовали за счет награбленного - мы ищем девяносто тысяч рублей, исчезнувших в прошлом году в вашем городе по дороге с вокзала в банк. Боюсь, что Скаргу, эту наивную душу, специально отдали на заклятие, известив полицию о месте и времени встречи.

- Каков же смысл? - спросил Антон.

- Не знаю. Если человека выводят из игры, а тут - из жизни, то какая-то важная причина есть. Возможно, кто-то захотел стать его наследником.

- Что с ним? - настойчиво спросил Антон.

- Хорошо, расскажу, - согласился Клим. - Я навел его в палате. Одиночная палата, на окне решетка, у дверей городовые. Вернее, палата на шесть коек, но Скарга лежит один. Тихопомешанных выселили куда-то на несколько дней и поместили его. В ста шагах в морге на цинковом столе лежали его жертвы. Но это так... Мне показалось что Скарга спит, но он был без сознания. Вообще, с вечера не приходил в себя. Черты лица заострились, кожа обескровела, трудно

было поверить, что с этим человеком я провел два дня, дивясь его энергии. Честно говоря, он мне нравился. На весьма нелепый алтарь положил он свою жизнь. Пройти Маньчжурию, чтобы украсть для политических авантюристов деньги и закончить свой век на эшафоте после излечения - незавидная судьба. Верно?

- Трагичная, - сказал Антон.

- Да, лучшим исходом для него было бы лежать рядом с ротмистром - два противника, оба навек успокоенные, смиренные, скинутые со счетов в своих организациях... Несколько раз я его окликнул. Он ответил немым шепотом, но все же я разобрал произносимое слово. "Витя!" - шепнули его губы. Вам ничего не говорит это имя?

- К сожалению, нет.

- Впрочем, это может быть и женское имя, - продолжал Клим. - Мою тетю подруги зовут Витя. Виктория... Я провел возле него полчаса, но более он не проронил ни звука. Затем я нашел хирурга, который его наблюдает и спросил о шансах на жизнь. С цинизмом, свойственным медикам и особенно хирургам, он отвечал, что раненый жить будет, но не более пяти-шести часов. В исключительном случае - до полуночи...

- Вот он и уходит от эшафота, - с горечью заключил Антон.

- Да, он уходит. Но не только он, - с намеком на важность слов сказал Клим. - Утром, еще до больницы, я просмотрел в нашем управлении некоторые дела по местным эсеровским группам. Там много любопытного, рассказывать я права не имею, называть имена тем более, и среди прочего познакомился с телефонограммой от вчерашнего дня, где некий человек в четырех словах отдал Скаргу полиции. Выдача беглого приветствуется государством...

- Что же это за четыре слова, - полюбопытствовал Антон.

- "Костел Роха. Девять вечера". Лаконично, правда?

- Однако, чем я могу быть полезен? - спросил Антон, переходя рубеж отрешенности.

- Если придерживаться лаконичного стиля, то мое предложение звучит так: имя автора телефонограммы в обмен на девяносто тысяч рублей.

Господи, подумал Антон, зачем он это говорит, ведь теперь нам не разминуться.

- Все же этот человек, - продолжал Клим, - большая сволочь. Беглого товарища подставил под пули. Не боится греха. И наказания похоже, тоже. Лучше сказать, разоблачения.

- А что дороже? - спросил Антон. Прикидываться непосвященным было бы глупостью. Уж коли человек, которого никогда прежде в глаза не видал, садится к нему за столик, выискал с помощью филеров, примчался, когда ему сообщили, что наблюдаемый пьет кофе, то, безусловно, кое-что он знает, кое-что такое, что позволяет ему идти на столь смелое предложение. Бог его знает, что сообщал полиции осведомитель. Может, все, что знал и видел.

- Смотря для кого! - услышал он ответ Клима. - Не было этих денег год, и, ничего, люди жили. А объявите бойкот любителю телефонных звонков, еще спокойнее можно жить.

- Да? - Антон рассмеялся.

- Что же вас так рассмешило? - улыбнулся Клим.

- Слово "бойкот", - ответил Антон. Смешным ему показалась та девичья стыдливость, с какой ротмистр применил гимназическое понятие к необходимости уничтожения провокатора.

- Не желаете кофе? - спросил Клим.

- С удовольствием. Черного.

- Я закажу, - проявил предупредительность Клим и пошел к буфету.

Антон понял, что ему дается минута на раздумье. Подоплека предложения угадывалась просто. Смоленская и минская полиция не сорвала ставку на девяносто тысяч. Игра проиграна. Конечно, можно обвинить мертвого Живинского. Но с него спроса нет, а к ответу кого-то призовут. В числе козлов отпущения окажется и этот смоленский ротмистр. Жандармский корпус в стране ограничен тремя сотнями офицеров, которые на виду, и возвращаться в Смоленск со славой неудачника неприятно. Или бесполезно. Собственно, ситуация, в которой он оказался, хуже неудачи, она смехотворна: ротмистр пас беглеца в поезде, невредимым доставил в Минск, а тот в знак благодарности совершил два теракта и был схвачен после боя с городскими. Ранил еще двоих. И тихо скончался в госпитале, благополучно избежав суда и петли. Где же деньги? А бог знает где? Выяснить не удалось. Так что же удалось? Убить беглого эсера силами засады. Глупо. Конец карьеры. Безусловно, имеет смысл отдать ненужного более агента за возврат экса. Естественно, ротмистр говорит только от своего имени, сделка будет тайной. Выгодной для него, но невыгодной для партии. И оскорблением памяти Скарги. Еще одним предательством. Собственно, это не сделка, это силок. Ну, и мышление же у этого ротмистра. И что, он думает, казнить предателя - это такое удовольствие для эсеров, за которое можно заплатить девяносто тысяч? Нет, он никак не похож на глупца, подумал Антон. Он не ждет услышать "да", он не поверит. Я не в тюрьме, меня не пытаются, почему же я должен сказать "да"? Естественно, сказать "нет". Так чего же он хочет, этот благовоспитанный ротмистр со служебной кличкой Клим? Не зря же он сказал про спокойную жизнь. Это вроде бы ультиматум: не хотите спокойной жизни - пожалуйста, возьмем в оборот тайного агента и он поможет разорвать все ваши цепочки, отыщется материал и для судебного преследования.

Клим вернулся, а следом хорошенькая буфетчица Венкжецкого принесла кофе.

- Вы завоевали ее сердце, - сказал Антон. - Она редко кого удостоивает такой чести.

- К сожалению, я не ловелас, - улыбнулся Клим. - Меня более интересуют деловые отношения. Так что вы ответите, господин Гурин?

- Так ли просто ответить, Валерий Иванович. Я не имею компетенции самолично принимать такие ответственные решения. И неясно как установится равновесие?

- Я понимаю, - с неодобрением сказал Клим. - Но мне невозможно вступать в переговоры с коллективным разумом. Слишком много живых копий. Ведь я могу гарантировать только то, что будет в нашем конфиденциальном договоре. В конце концов у вас есть выбор - жить как большинство. Продолжение противоречий раньше или позже приведет в Пищаловский замок. Но это случится не по моей вине. Деньги - и все затихнет. Например, они могут лежать под старым камнем. А я найду. И ответчиков нет. Скарга спрятал. Хороший вариант, честное слово.

- Мне надо подумать, - сказал Антон, разумея, что на улице его ждет неотступная слезка.

- Будь по-вашему, - Клим не скрывал разочарования. - И сколько времени потребуют ваши размышления? До семи, хватит?

- Вполне.

- Тогда здесь же в семь, - сказал Клим и добавил не без иронии: - Я понимаю, что принес вам проблемы, которых лучше избежать. Но и мне приходится заниматься тем, что не близко...

Да, подумал Антон, убить доносчика днем, это, действительно проблема, и мне очень не хочется этим заниматься. Он усмехнулся:

- Вы правы.

Клим раскланялся, послал приветливый взгляд буфетчице и вышел.

Уходить черным ходом не имело смысла, там тоже мог караулить филер. Антон переждал несколько минут, осмысливая свои ближайшие действия, и покинул кофейню. Возле входа в скверик скучали два извозчика. Словно специально для меня, подумал Антон, значит на втором поедет филер. Он сел в пролетку и назвал свою улицу. Если обмен действительно личная инициатива ротмистра, рассудил Антон, то команда для слежки у него небольшая. Вдруг он осознал тайную цель беседы, возможно, главное желание Клима - погнать его в галоп. Мысли о возможном аресте после семи должны подтолкнуть его к лихорадочной деятельности. И в этом ротмистр совершенно прав.

При повороте возле железнодорожной церкви на Ново-Московскую он заметил вторую пролетку. Можно ставить пятьдесят против одного, подумал Антон, что возле дома уже торчит соглядатай. И выиграл: через улицу у соседских ворот томился бездельем человек, вроде бы и знакомой внешности. Антон без труда припомнил, что именно на него вчера указал Белый при подходе к золотогорскому кладбищу. А сзади в коляске катил второй.

Ну-ну, решил Антон, посоревнуемся.

- Братец, - сказал он вознице, - я поеду обратно в город. Только покормлю своего пса. Ты тут не жди. Объедешь квартал по Еврейской и возвращайся. Минуток через пять. Плачу наперед, - он подал вознице серебряный рубль. - Понял?

Возница привычно кивнул.

Объехать квартал извозчик мог за три минуты. Этого было достаточно. Антон взял из комода коробочку с золотыми Скарги, свой паспорт, достал из печи кастрюлю с супом и вышел на крыльцо. Ангел радостным лаем приветствовал запоздалый обед. Сквозь щели в штакетнике Антон увидел смену караула: новоприбывший филер садился на лавку, его предшественник - во вторую пролетку. Антон вылил в миску половину супа, потом, подумав о неизвестности своих маршрутов, оставил кастрюлю возле будки. Оставалось взять оружие. Антон прошел в сарай, разбросал в углу кучу хлама, копнул лопатой и вытащил просмоленный сверток. Внутри хранился давний Скаргов подарок - маленький браунинг с перламутровой ручкой и отдельно россыпью десять патронов. Он сунул пистолет и патроны в карманы, закидал ямку хламом и вернулся в дом. Пролетка еще не вернулась. Филер курил папиросу. Такая служба его устраивала. Кури, парень, усмехнулся Антон, сейчас побегаешь.

Он вышел в сени, закрыл комнатную дверь на замок и стоял наготове, прислушиваясь к звукам улицы. Скоро послышалось цоканье копыт о булыжник, и тогда Антон спешно вышел на улицу и на глазах растерянного филера вскочил в пролетку.

- Опаздываю, братец, - сказал Антон. - Гони. Заплачу.

Заинтересованный извозчик стеганул лошадь кнутом.

Ощущая на бедре горячее прикосновение пистолета, Антон жалел, что мало тренировался в стрельбе. Однажды Скарга пригласил его в лес по Борисовскому тракту, и в овраге он расстрелял обойму в газетный лист, приколотый к дереву. Огневой рубеж отстоял от мишени на десять шагов. Скарга говорил, что такого расстояния достаточно для самообороны, а для теракта лучше приблизиться, три - пять шагов - оптимальное удаление, промахнуться невозможно. Скарга называл пистолет дамским. Пистолетик, говорил Скарга, называется дамским, потому что дамам удобно носить его в сумочке. Мужчина может называть его карманным.

С Нижнего рынка пролетка поднялась на Верхний, и тут Антон посмотрел на часы - было без пяти четыре. "На Богоявленскую" - сказал он извозчику. У гостиницы пролетка повернула. Лошадь шла шагом. Улица в оба конца была пуста. Вдруг из книжной лавки вышел Стах, держа в руке портфель с бронзовыми застежками. Антон остановил возницу и стал рассчитывать. "Свободен?" - спросил извозчика подоспевший Стах. Это был знак, что деньги при нем. В противном случае он должен был пройти мимо. Таков был уговор. Стах сел в пролетку, рессоры осели под его весом, и лошадь потянула драгоценный груз к Захарьевской, унося в неизвестность Стаха, деньги и удачу. Через час, думал Антон, Стах будет в Кунцевщине, оттуда вместе с братом пойдет от одного надежного двора к другому, пока не окажется в Вильне, в явочной квартире вблизи Острой Браны, где деньги примут, пересчитают, а потом истратят, возможно, на подкуп пограничной стражи и переправку людей за рубеж. Пролетка исчезла за углом, и Антон успокоенно пошел в лавку исполнить последнее из мирных дел. Старик поглядел на него печальными глазами и не поднялся навстречу.

- Я - товарищ Кирилла, - сказал Антон. - Он в больнице.

Старик кивнул, в знак того, что ему об этом известно.

Антон достал из внутреннего кармана коробочку из-под леденцов, доверенную ему Скаргой, и положил перед стариком.

- К сожалению, не пригодилось, пан Винцесь.

- Но он жив? - спросил старик.

- Думаю, да.

- Может быть, пригодится? - в голосе старика теплилась надежда.

- Будем надеяться, - ответил Антон.

- Жизнь ходит по кругу, - грустно сказал старик. - Время застыло на нашей земле. Только люди меняются...

Антон не стал уточнять, что кроется за этим обобщением. Мудрость стариков - мудрость бессилия.

- Спасибо, пан Винцесь, - сказал Антон. - До встречи.

На улице он сообразил, что слова "до встречи" были его неудачей - он как бы признал, что им придется встретиться на похоронах Скарги, если его отдадут родным. Хоть и "спасибо" было ненужным - старик удружил Скарге, и мелкая вежливость не равнялась его риску. Но все не объяснишь. У старика не было дел впереди, а у него есть неотложное дело. Старик может оплакивать утрату молодого родственника, а он не может, не вправе составлять ему компанию в скорби, пока жив человек, который называл себя социалистом-революционером, боевиком, заступником угнетенных... Партия никого не удерживает силой, каждый волен распоряжаться своей свободой, но измена и предательство товарища - большой грех, чем насилие властей над народом. Чиновники исполняют классовую волю, доносчик - личную. Он сам себе приказчик. И сам себе могильщик. Братоубийца. Кровавая пешка. Даже жандармы испытывают к нему презрение, готовы списать в расход...

Он вдруг понял, в чем был главный просчет осведомителя. Тот не мог знать, что последует из его сообщения. Ему разумеется ни слова не сказали о засаде. Он полагал, что Скаргу возьмут без перестрелки, и тогда это выглядело бы как его собственная неосторожность. А если бы рядом, как и намечалось, оказался он, Антон, то вина легла бы на него. Лишь залповая стрельба и окружение выявили подготовленность операции. И теперь остается свершить революционное возмездие. Жизнь за жизнь, хоть эти жизни и неравноценны...

Антон открыл дверь в фотосалон. Звякнул колокольчик. В салоне две подружки в темных платьях и шляпках, украшенных цветами, стояли на фоне горного водопада. Белый, накрыв аппарат и себя бархатной попоной вставлял в камеру пластинку. "Внимание!" - услышал Антон его голос. Ему вспомнилось, как прошлым годом они сидели у Белого - Скарга, он, Святой, Пан, Адам, Серж. Троиخ уже нет. Опустело что-то вокруг. Воздух поредел, как перед зимой. Скоро его черед. О чем говорить с Белым, подумал он. Белый не помощник. Пользы от него не будет... Антон вышел, напутственный звон дверного колокольчика показался ему тоскливым...

Солнце светило, густо шли по тротуару прохожие, а его охватывало чувство одиночества, полной разъединенности с этими людьми. Он перешел улицу, постоял у гостиницы и дождался пролетки. Езда успокаивала, на улице было больше свободы чем на тротуаре. Взгляд скользил не по лицам, не сталкивался с взглядами других людей. Мимо проплывали фасады домов, зелень Александровского сквера, громада собора, потом коляска покатила с горки и подковы звонче застучали о мостовую, и мягко о дубовые плахи моста, в Свислочи отражалось голубое небо, за заборами на яблонях висели неубранные желтые и яркокрасные яблоки - почти как в раю. За Долгобродской Антон отпустил пролетку и вошел в ворота кладбища, куда должен был войти без малого сутки назад. Он обошел по плиточной дорожке костел, ожидая увидеть на памятниках следы трагедии и увидел их на правой стене костела. На белой побеленной стене темнела пятнами сколотая штукатурка, а на металлическом постаменте памятника со скорбящей богородицей он заметил вмятины от ударов. Одну пульку, смятую в комок, Антон подобрал. Две похожие попали в Скаргу. Антон присел на скамейку и зажал пульку в кулаке. От нее по руке шел холод и чувство страха. Антон спрятал ее в карман, где лежали патроны. Вчера в девять, подумал Антон, Скарга сидел здесь, на этой скамейке, а через полчаса четверо городских понесли его на выход. Вот тут, среди крестов, могил и надгробий завершилась его жизнь. И почему кладбище казалось нам удобным местом для встреч? Конспирация требует суеверного чувства. Это аксиома. Глупо бояться черной кошки, но лучше поверить, что черная кошка появилась не зря. Все-таки в кафе было бы проще вырваться из засады, чем в этом приюте смерти. Впрочем и это неважно. Есть вторая

аксиома: когда-нибудь боевик попадет. Приходит день ошибки, день крупной неудачи, когда везение изменяет и уходит, как женщина, полюбившая другого. Каждый знает на что отваживается и чем рискует. Боевик рискует собой. И предатель рискует собой...

Две дамы прошли мимо Антона. Они не глядели под ноги, на чисто вымытые плиты - единственное доказательство того, что вчера здесь было кровавое пятно. Вчера было, а сегодня жизнь идет своим чередом. Можно сто лет сидеть на этой скамейке - Скарга уже сюда не придет. Он почувствовал, как тоскливо сжимается сердце и сиротская беспомощность обессиливает тело. Да что же такое со мной, воспротивился он, неужели я боюсь? Такая дребедень в душе. У Белого в салоне накатило, сейчас вновь. Окрашенные нежностью воспоминания. Что вспоминать про встречу у Белого? Собрались и обсуждали при свете фонаря, как лучше экспроприировать типографскую наборную кассу. Может и любили друг друга в тот вечер, но больше потому, что казались себе умными, лихими и удачливыми. А тем временем проморгали осведомителя, и тот точил, подтачивал, строчил донесения... Глупость свою надо вспоминать, доверчивость, неосторожность. Вспомнишь смерть Адама, подумал Антон, и высохнут умильные слезы. Состаримся - потоскуем, как пан Винцесь. А теперь вперед, сказал себе Антон и торопливо покинул кладбище. Но бездумной решимости у него хватило на два квартала, до моста. Здесь, глядя в воду, он опять почувствовал пустоту вокруг сердца; Антон признал, что ему страшно. Он пожалел, что не может призвать на помощь Пана. Тот не ведал страха, слово "надо" снимало с него любые сомнения. Пан знал, что получится так, как он хочет. А сейчас Адама нет, Скарги нет, Пан застрелился. А его не берут, потому что ротмистр считает его теоретиком, который хочет снять квартиру в альпийских горах и писать статьи для наивных рабочих. Пусть думает. Это и лучше, что он так рассудил. Пусть заблуждается, до семи можно все успеть, подумал Антон и внезапно ощутил на спине цепкий взгляд неизвестного наблюдателя.

Он нагнулся поправить шнурок на ботинке и разглядел своего "ангела". На пустынном тротуаре перед Полицейской улицей филеру негде было укрыться, и на лице его под кепочкой с нелепой пуговкой на макушке отразилась растерянность застигнутого врасплох воришки. Он не придумал ничего лучшего, чем войти в ближайшую калитку. Возможно, он попросит там воды, подумал Антон. Но откуда он взялся? Неужели ротмистр поставил пост при могильных камнях? Он запирает все двери, подумал Антон, мне придется пролезть сквозь угольное ушко. Не оглядываясь на филера, он деловито отшагал до Губернаторской и тут подчинился неспешному ритму толпы. Она донесла его до фарного костела. Службы еще не было, на нее собирались, десятка три женщин сидели на скамьях над открытыми молитвенниками. Антон прошел вперед, приоткрытая дверь сакристии показалась ему знаком успеха, и он, не преклоняя колена, не крестясь, ступил на пространство алтаря и через мгновение оказался в покое, где пожилой сакристиан за широким столом записывал что-то в костельную книгу. Удивление его внезапным появлением мирянина оказалось столь продолжительным, что Антон успел выйти на дворовую лестницу, не услышав негодования. Филеру потребуется несколько минут, чтобы убедиться в исчезновении своего поднадзорного. Пусть учится не зевать, подумал Антон. На улице он нырнул в подворотню и стал уверен, что филер его не отыщет. Но медлить уже не годилось - до жилья Святого оставалось с полсотни шагов. Будь что будет, решил Антон. Ему припомнилось, что эти слова были девизом римских легионеров, они говорили их, отдаваясь в волю судьбы.

В подвал, где жительствовавший Святой, вела каменная лестница, прикрытая от дождя и снега навесом. Антон спустился, потянул на себя дверь - она оказалась не заперта, Святой был дома - и переступил порог. Старый подвал делила надвое досчатая стенка. За стенкой разговаривали. "Нет, невозможно, - услышал Антон голос Святого. - Что мне останется после этого?" Присутствие второго

человека меняло планы, но уже заскрипел пол под его шагами, и отступить стало невозможно. Он открыл легкую фанерную дверь и с порога увидел Святого за столом и смоленского ротмистра, который стоял посреди комнаты в хозяйской позе. Злая растерянность Святого и неудовольствие Клима подтвердили Антону, что он верно определил осведомителя.

Если я его застрелю, подумал Антон, мне придется убить и ротмистра. Если уйти, он арестует меня через полчаса. Это шанс.

- Кажется, я не во время, - сказал Антон. - Зайду попозже.

- Нет, нет, - поспешно остановил его Клим. - Заходите.

Антон переступил порог. Нет, не буду стрелять, решил Антон, бессмысленно. Он поглядел на Святого. Тот тупо вглядывался куда-то в пустоту, лицо его наливалось кровью; казалось, что сейчас его хватит удар.

Нелепость ситуации была очевидной.

- Мне пора, - объявил Клим. - Всего доброго! - и ступил к дверям.

В тот же миг Святой вытянул ящик стола, и у него в руках оказался крупный с вороненым стволом револьвер.

- Ротмистр, не двигаться! - хрипло приказал Святой. - К стенке. Лицом к стенке. И ты.

Он решился убить, понял Антон. Сейчас застрелит меня, потом ротмистра - и уйдет. Поворачиваясь к стене он опустил в карман руку, отжал большим пальцем предохранитель, и сквозь пиджак, не целясь, выстрелил. Святой вскрикнул, Антона это обрадовало, он достал пистолет и выставил его перед собой. Внезапно ротмистр рванулся к двери и прыжком вывалился в сени. "Гад!" - крикнул Святой и выстрелил в перегородку. Пуля щелчком пробила доски. Антон видел перекошенное ненавистью лицо, толстый черный барабан и прикрытый спусковой скобой палец, который сжимался. Револьвер Святого подпрыгнул в воздухе, а он почувствовал, как в животе у него что-то разрывается в клочья. Пистолет стал тяжелым, словно гиря, но он держал его, целясь стволом, как учил Скарга, в центр белой рубахи, и нажимал на курок. На этом белом пятне возникли две черные дырки, и сразу рубаха стала краснеть. "Гады! Гады!" - слышал он голос Святого, но смысл ругани не доходил до него.

Вдруг стены стали удаляться, каждая в свою сторону, и Святой поплыл вместе со стеной и пропал, а он медленно ополз по стене, задыхаясь от нестерпимой боли. Он выронил пистолет и тогда заметил Святого - тот сидел напротив него у стены в красной рубахе. Этот красный цвет закрыл все предметы, непроглядная пурпурная завеса опустилась перед глазами. Еще он услышал шаги и понял, что вошел ротмистр, но повернуться к нему не давал огонь, сжигающий его нутро...

Клим стоял у порога и разглядывал два окровавленных тела. Два бывших друга, товарищи по партии, теоретик и боевик, предатель и мститель свершили обоюдное убийство. У мстителя, видел он, крупной пулей Смит-Вессона была разорвана печень, шансов выжить он уже не имел. Отомстил он неудачно. Малокалиберные пули дамского браунинга хоть и достигли цели, но неточно и недостаточно - в плечо, в ребра, и тайный агент отлежится в больнице, выживет и вновь станет опасен. Ротмистр подумал, что этот неумелый в стрельбе Антон спас его, сейчас и он мог бы валяться на полу с разорванной печенью. Напротив Антона. А Святой стоял бы посередине комнаты и радовался своей сообразительности. Возможно у него тут хранится второй наган. Убить, вложить

каждому в руки оружие - и можно бежать за полицией. Дуэль офицера жандармской службы и эсеровского комитетчика со смертельным исходом...

Клим достал из кармана платок, поднял пистолет Антона и прицельно выпустил две пули в то место на груди Святого, куда не попал Антон - в сердце. Держа пистолет за дуло, Клим вложил его в руку Антона и пошел из подвала вызывать полицию.

Какой-то похоронный марш звучал у него в ушах, он с удивлением сообразил, что это строка из их мрачного гимна - "Вы жертвою пали в борьбе роковой". Слишком возвышенные слова, подумал он, для такого безобразия - пули, кровь, боль, стоны. Что такое рок? Кто объяснит? Долг? Равновесие белого и черного? Заслуженное наказание? Измена фортуны?

Он шел по двору в сторону губернаторского дома и думал, что когда-нибудь кто-то прицельно выстрелит в сердце ему, и почувствовал как сердце сжалось от боли этого будущего удара. Но это не был страх, а была тоска от предвиденности жизни. Темная тоска ожидания неизвестного стрелка, слепого посланца смерти.